

Черный список деда Мазая

Автор:

Дарья Донцова

Черный список деда Мазая

Дарья Донцова

Евлампия Романова. Следствие ведет дилетант #32

Я, Евлампия Романова, наконец-то нашла работу по душе и теперь улаживаю щекотливые дела в агентстве «Нет проблем». Но и вне службы скучать не приходится! Старинная приятельница Жека назначила срочную встречу и пожаловалась: в последнее время она кидается на людей без всяких причин. А вскоре я узнала – она ударила ножом сына Севу, а сама выбросилась из окна! Но Жека боготворила своего отпрыска и никак не могла его убить! Пообщавшись с одной из пассий Севы, я узнала – почти все члены их компании, зависавшей в ночном клубе, переселились в мир иной. Что за маньяк истребляет тусовщиков? На основной работе задачка не менее сложная: как уговорить писательницу Валентину Нечитайло сменить имидж секс-бомбы, если эта не первой свежести мадам согласна носить только мини-юбки, прозрачные блузки и красные ботфорты?

Дарья Донцова

Черный список деда Мазая

Глава 1

Если тайком подсунуть в карман пиджака папы презерватив, то мама надолго забудет о ваших школьных проблемах.

- Ты мерзавец! - яростно произнесла семипудовая блондинка в ярко-красном платье и отвесила затрещину своему тринадцатилетнему сыну.

- Вера Сергеевна, - с укоризной сказала я, - мы с вами договорились: никакого рукоприкладства.

- Оставь его, Верушка, - попросил мужчина, сидевший в кресле, - сейчас я провожу Лампу, и спокойно побеседуем с парнем.

- А я что? Я ничего! Просто пошутил, - занял мальчишка, - нам на уроке говорили: детей бить нельзя. В Америке за это родителей в тюрьму сажают.

Вера Сергеевна схватила сыночка за ухо, с силой сдернула наглеца со стула и потащила вон из комнаты с воплем:

- Мы в России живем! Тут тебе от всех достанется! Сначала я уши оборву, потом отец дурь выбьет, затем бабушка голову открутит. Поганец!

- Думаю, вам нужно вмешаться, - сказала я главе семейства, когда мать с сыном исчезли в коридоре. - Игорь Андреевич, очень прошу вас не применять к Сереже методов физического воздействия.

Хозяин квартиры встал.

- Уважаемая Лампа, огромное вам спасибо. Вы за несколько часов разобрались с проблемой, из-за которой я чуть не потерял семью. Верушка - женщина импульсивная, очень ревнивая, мне трудно описать, какая война у нас разгорелась, когда супруга обнаружила в моем офисном костюме невскрытую упаковку с тем злосчастным презервативом. Три недели ада. Я понимал: пакетик подбросила злая рука, а раз пиджак рабочий, я решил, что постарался кто-то из коллег.

- Вы ведь уходили из дома в костюме и возвращались в нем, - мягко сказала я, - следовало учесть все возможности.

– Я подумать не мог, что Сергей способен устроить такую пакость родителям! – запоздало вскипел Игорь. – Гаденыш!

Мне захотелось сказать главе семьи, что умная жена, прожив с мужем пятнадцать лет, не станет закатывать сцены ревности, она либо посмеется и спросит: «Кто из коллег тебя так любит?», либо сделает вид, что ничего не находила, подойдет к зеркалу, беспристрастно оценит себя, сядет на диету, запишется в спортзал, изменит цвет волос, превратится из бегемотоподобной «майонезной» блондинки в стройную элегантную даму и отобьет мужа у соперницы. Но у Крючковых получилось иначе. Вера орала на супруга почти месяц, довела его до гипертонического криза, обвинила во всех смертных грехах и даже сейчас, убедившись, что злосчастный презерватив отцу подсунул балбес Сережа, злобно косится на Игоря. Вере Сергеевне не помешало бы посоветоваться с психологом. Но я не имею права давать подобные советы. Поэтому вслух произнесла:

– У Сережи большие проблемы в школе, он оставлен на второй год. Вера почти целый месяц с середины мая постоянно ругала сына. Каждое утро, когда он выходил к завтраку, она визжала: «Явился, балбес, урод, кретин! У всех дети как дети, а у меня горе!»

Боюсь, я бы тоже не выдержала такого прессинга и оказала сопротивление. Сережа хотел получить передышку, вот и подумал: пакетик с презервативом в папином кармане – лучший способ перевести стрелки на отца. Сергей нормальный мальчишка. Мне кажется, если ему не хочется учиться, скорее всего, это вина не его, а педагогов.

– Вас проводить до машины? – бесцеремонно перебил меня Игорь.

– Спасибо, лучше идите, спасайте сына, – улыбнулась я и быстро направилась к выходу.

– Теперь всем буду рекламировать «Ноупро», – пообещал Игорь, выпроваживая меня на лестницу.

Я вызвала лифт и поехала на первый этаж. «Ноупро» – это сокращение от «ноу проблем», что в переводе на русский означает «нет проблем». Фирма занимается улаживанием самых разных деликатных ситуаций. К сожалению, не

все дела быстро решаются, с проблемой Игоря я разобралась со вчерашнего вечера и почти сразу поняла, кто автор затеи.

Я села в машину, позвонила и сказала:

– Ваня, полный порядок. Клиент доволен, хочу устроить себе передышку, поеду попить кофе.

– Отлично, – ответил начальник, – если ты понадобишься, я звякну.

Я медленно покатила по дороге, выискивая какое-нибудь уютное заведение с капучино и пирожными.

Наверное, следует объяснить, как я, Лампа Романова, очутилась на службе в упомянутом «Ноупро».

Родителям, которые с двух лет приковывают своего несчастного ребенка к музыкальному инструменту в надежде вырастить гения, а потом сидеть в концертном зале и гордо посматривать на тех, чьи дети скромные врачи и инженеры, следует помнить, что из миллиона бедняг, играющих гаммы, получается всего один Денис Мацуев. Что происходит с остальными? Хорошо, если их мамы вовремя понимают: Моцарта из дитяти не выросло. Такие подавляют свои амбиции и позволяют отпрыску выбрать профессию исходя из его собственных желаний. Но со мной, увы, получилось иначе[1 - Биография Евлампии Романовой подробно описана в книге Дарьи Донцовой «Маникюр для покойника», издательство «Эксмо»]. Мамочка, оперная певица, мечтала видеть меня на сцене, но Господь не отсыпал ее дочери таланта, не дал ей ни усидчивости, ни целеустремленности. Консерваторию я окончила, чтобы угодить любимой матушке, некоторое время просидела в оркестре, тоскливо нащипывая арфу, вышла замуж, а потом, потеряв статус семейной дамы, попыталась найти себя. Если честно, то больше всего мне по душе работа сыщика, но соответствующего образования я не получила. И хотя у меня есть талант к расследованиям, бывшую арфистку не спешили взять в «Пинкертон»[2 - Название всемирно известного частного детективного агентства.]. Зато меня постоянно приглашает в штат своей фирмы второй муж. У Макса детективное агентство, но я не хочу работать у супруга, неизбежно начнутся конфликты, я лишь изредка соглашаюсь ему помогать.

Несколько месяцев назад моя жизнь резко изменилась. И, как водится, неожиданно. Я сидела в кафе при большом торговом центре. Столики были все заняты, поэтому, когда ко мне приблизился мужчина с подносом и вежливо сказал: «Извините за бестактность, но больше приземлитесь негде», я вежливо ответила: «Конечно, устраивайтесь».

Незнакомец сел и мигом представился:

– Меня зовут Виктор.

Я решила, что он это сделал из элементарной вежливости, и назвалась:

– Лампа.

Далее последовала вполне ожидаемая стандартная реакция:

– Да ну? А как вас зовут по паспорту?

Через пять минут я пожалела, что разрешила этому человеку подсесть за мой столик. Виктор стал откровенно приставать ко мне, используя весь набор тупых шуток, начиная с фразы: «Лампа, а вашей матери случайно зять не нужен?»

Я рассердилась:

– К сожалению, моя мама давно скончалась.

Полагаете, этот идиот смутился? Вовсе нет, он воскликнул:

– Тогда, может, ваш отец ищет замечательного зятя?

Это было уже слишком! Я окинула дурака взглядом и поняла: он не уйдет. Будет сидеть напротив, гнусно смеяться, а все мои отповеди вроде «оставьте меня в покое» сочтет за женское кокетство и утроит старания. Конечно, я сама могла встать и покинуть кафе, но на тарелочке лежала недоеденная, очень вкусная творожная запеканка, в чашке был недопитый кофе, а пересесть оказалось некуда, все места оккупированы. Мне совершенно не хотелось лишаться вполне

заслуженного полдника, поэтому пришлось применить хитрость.

Я отложила вилку и проникновенно сказала:

– Витя, я одинока.

– Отлично, – обрадовался он, – давай поженимся, ну хотя бы один раз.

Я подождала, пока идиот перестанет гоготать над своей тупой остротой, и продолжила:

– Давно мечтаю завести роман с интересным человеком. Но вот беда, едва узнав поближе о моих талантах, парни убегают прочь. Понимаешь, Витя, я практикую ясновидение.

Новый взрыв радостного ржания временно заставил меня умолкнуть, но я упорная, поэтому, когда Витя успокоился, как ни в чем не бывало произнесла:

– Стоит мне сесть около человека, как я моментально считываю информацию. Хочешь, расскажу про тебя?

– Валяй! – обрадовался Виктор.

Я откашлялась.

– Ты зарабатываешь немного. Любишь футбол, а из напитков – пиво. В кино предпочитаешь блокбастеры, всегда покупаешь на сеанс большое ведро попкорна. Тебе нравятся мужские эротические журналы, дорогие часы, шикарные машины и красивые девушки-фотомодели. Но в реальной жизни ты взял кредит на скромную иномарку и не имеешь постоянной любовницы. Теперешние две приятельницы упрекают тебя в жадности: ни норковых шуб, ни бриллиантовых колец ты им не даришь, отдыхать на Карибы не зовешь. В «Одноклассниках» ты выставил фото дома и джипа, но это не твой особняк с внедорожником. Основной упрек твоей мамы: «Когда мой сын наконец остепенится, заведет семью и родит мне внука?» Ты терпеть не можешь дачу, огород и всеми силами пытаешься отвертеться от поездок на «фазенду». Да, еще у твоих родственников есть кошка, рыжая, персидской породы. После

посещения туалета ты не опускаешь сиденье унитаза и считаешь, что жениться нужно лишь для того, чтобы лишний раз убедиться: жениться не следует. Хочешь еще? Про выпускной вечер в школе, темный кабинет в конце коридора и девочку...

Договорить я не успела, Виктор вскочил, схватил свою борсетку и убежал. Я стала спокойно есть запеканку. Один – ноль в мою пользу.

– Кто вас научил так ловко отшивать назойливых кавалеров? – спросил сбоку приятный голос.

Я повернула голову, увидела за соседним столиком курносого веснушчатого рыжего парня и ответила:

– Сама додумалась. Если бы Витя был способен логически мыслить, он мог бы сообразить, что ему обрисовали среднестатистического российского мужчину. Ничего экстраординарного.

– Вы рисковали, упомянув про его мать, – возразил незнакомец. – Она могла уже умереть.

– Обратите внимание, я сказала: «основной упрек твоей мамы». А уж когда она ему это говорила, не уточняла, – улыбнулась я.

– Витя мог оказаться сиротой, – не успокаивался сосед.

Я отложила вилку.

– У него на часах браслет из широких пластин, на одной есть гравировка «От мамы» и стоит недавнее число. Вероятно, это подарок на день рождения.

– У вас отличное зрение! – восхитился собеседник.

– А мозги еще лучше, – добавила я.

– Но как вы догадались про кошку? – любопытствовал парень.

– У Вити весь пиджак в рыжей шерсти, – снисходительно пояснила я. – Холостные мужчины редко заводят животных, волосы не собачьи, а самая распространенная в России порода домашних кошек персидская. Простая логическая цепочка. Объяснить вам про сиденье унитаза? Думаю, вы его тоже не опускаете. А теперь я хотела бы поесть спокойно.

– Вы где работаете? – поинтересовался через пару минут парень.

– Исполняю разовые поручения, – отмахнулась я.

Сосед протянул мне визитку.

– Я Иван Маслов, владелец фирмы «Ноупро», мне нужны такие люди, как вы. Если надумаете, звоните.

Я пробежала глазами текст.

– Уже надумала. Согласна.

Иван прищурился.

– Вот так сразу? Не посоветовавшись ни с кем?

Я пожала плечами:

– Мне нравится ваш девиз: «Для нас нет проблем».

Маслов взял свою чашку и пересел за мой столик.

– Лампа, похоже, мы нашли друг друга.

Отлично понимаю, что вы сейчас обо мне думаете. Ну разве можно вот так, очертя голову, соглашаться работать у человека, чье имя вы узнали менее минуты назад? Конечно, нельзя. Надо приехать домой, найти в Интернете информацию о «Ноупро», внимательно изучить ее, обсудить предложение с мужем, подругами. Почему я спонтанно приняла решение? Не спрашивайте, не

знаю. Просто услышала, как внутренний голос вкрадчиво шепнул: «Лампуша, не упусти свой шанс».

И вот уже несколько месяцев исправно приходя в офис, я ни на секунду не пожалела. Работа оказалась именно такой, о какой я мечтала: интересной и хорошо оплачиваемой. Коллеги вежливы и профессионально подкованы, начальник, несмотря на молодость и простецкую внешность, обладает острым умом и никогда не придирается к сотрудникам. Моя жизнь из хорошей превратилась в прекрасную. А мелкие шероховатости вроде встреч со свекровью Капой похожи на капли горчицы, которыми приправлен большой сочный стейк. Ну согласитесь, без острой добавки мясо может показаться пресным, а для полного осознания своего счастья необходимы небольшие неувязки.

Глава 2

Чем меньше думаешь о диете, тем лучше сохраняешь фигуру. Поэтому я без малейших угрызений совести слопала два пирожных и запила их большим бокалом латте, потянулась к кошельку, но тут зазвонил телефон. На экране высветилась фамилия «Ковалева», и я радостно сказала в трубку:

– Привет, Жека.

Мою бывшую коллегу по оркестру зовут Евгения Ивановна. С раннего детства ее все называют Жека.

– Здравствуй, Лампуша, – донеслось в ответ.

Я спросила:

– Как дела? Миша в порядке?

Но Жека, наплевав на светские условности, быстро сказала:

– Все плохо. Мне очень нужна твоя помощь. Ты где? Можно к тебе приехать?

Ковалева – единственная из моих бывших коллег-музыкантов, с кем я поддерживаю отношения. В оркестре к арфистке Романовой относились с легким пренебрежением, а Жека была звездой, блистательной скрипачкой, любимицей нашего дирижера Натана Гольдена. Но, несмотря на статус примы, Жека всегда находила минутку, чтобы сказать мне несколько ласковых слов. Мне тогда Жека казалась зрелой, умудренной жизнью женщиной, у нее уже был сын Сева, вот только не помню, в какой класс он ходил. Потом между Ковалевой и Гольденом пробежала тучная черная кошка, Натан перестал хвалить Жеку, и та через некоторое время уволилась. Среди оркестрантов фонтаном забились сплетни. Я предпочитала не поддерживать досужие разговоры, а после концертов-репетиций быстренько сматывалась домой. Обыватель считает, что люди, исполняющие классическую музыку, интеллигентны, умны, это не поп-певцы, которые с удовольствием говорят на весь свет гадости про коллег, и не рокеры, наливающиеся перед выступлением коньяком по самые брови. Дорогие мои, поверьте: пиликающие на скрипках и виолончелях музыканты – отнюдь не святые, они обожают обсуждать окружающих, употребляют крепкие напитки, не чураются ненормативной лексики и вообще отнюдь не ангелы с крыльями. В соседней с родительской квартире проживал дирижер N. Основным развлечением его было избиение жены-балерины. Ну и чем тогда N отличается от среднестатистического Васи, который, отбарабанив смену и приняв на грудь «ёрш», мутузит супругу? Впрочем, простите, я ошиблась. Вася просто отвечает своей бабе затрещины, а N раздавал оплеухи под звуки Первого концерта Петра Ильича Чайковского. Интеллигента всегда можно узнать по любви к классике.

Так вот, в нашем оркестре кости перемывали всем, а уж Жеку обсосали до спинного мозга. Как-то раз флейтистка Ляля Гордина, сказав: «Ну точно она с Натаном спала, хотела развести его с семьей и не смогла», неожиданно повернулась ко мне и громко спросила:

– Романова! Хватит сидеть с кислой мордой! Выскажись по сути обсуждаемой проблемы.

Я никак не ожидала, что кого-то заинтересует мое мнение, растерялась и по глупости ответила честно:

– Это не наше дело. Некрасиво судачить за спиной человека. Когда Жека здесь работала, ты, Ляля, первой бежала обнять ее при встрече, потому что надеялась на ее протекцию. А сейчас швыряешь в Ковалеву комья грязи. Жека хороший

человек и талантливый музыкант, надеюсь увидеть ее первой скрипкой Нью-Йоркского симфонического оркестра.

Повисла тишина, потом пианистка Юлия Ребятова, неконфликтная спокойная женщина, вдруг возмутилась:

– Люди! Великий немой заговорил! Романова, моралистка ты наша! Ну-ка вспомни, почему ты у нас ставку занимаешь? Не стыдно сидеть с твоими аховыми способностями в таком коллективе, а? О тебе мамаша побеспокоилась, а Лялька сама пробивается.

Кстати, на следующий день Ребятова подошла ко мне и смущенно сказала:

– Прости, не знаю, что на меня нашло, нахамила тебе вчера на пустом месте.

Я заверила Юлю, что совершенно не обижена, и мы до самого моего увольнения из оркестра сохранили хорошие отношения. Но в момент скандала я, успев горько пожалеть о сказанных от неожиданности словах, быстро удрала домой. С той поры я с коллегами находилась в состоянии холодной войны. Но потом мне неожиданно позвонила Жека и пригласила на свой день рождения. Я пришла на праздник и с огромным изумлением узнала, что она старше меня всего на десять лет, а наличие сына-подростка объясняется просто: Ковалева родила мальчика в юном возрасте. Более того, оказалось, что мы в детстве посещали одну и ту же музыкальную школу, которая давно считается кузницей кадров для консерватории. Туда хотят пристроить своих деток родители, мечтающие, чтобы их чада стали победителями разных международных конкурсов. Попасть в эту более чем престижную «музыкалку», откуда ребята выходят почти готовыми профессионалами, можно лишь в двух случаях: если вы очень талантливы или ваши предки имеют прямое отношение к миру искусства. Ковалеву приняли по первой причине, меня по второй, мы учились в разное время из-за разницы в возрасте, но у нас было много общих воспоминаний о педагогах.

С той поры мы находимся с Жекой в приятельских отношениях, раза три-четыре в месяц непременно созваниваемся. Правда, последняя наша беседа состоялась в конце июня, но тогда у Ковалевой был веселый голос. И вот неожиданное заявление: «Все плохо».

– Пожалуйста, никуда не уходи, я сейчас приеду, – взмолилась Жека.

– Сижу в кафе, здесь очень шумно, много народа, давай сама к тебе прикачу, – предложила я.

– Ой, только не домой! – испугалась она. – Ни в коем случае. Знаешь ресторан «Горацио»? Мы там Мишин юбилей отмечали.

– На бульварах? Конечно. Уже иду к машине, – пообещала я.

Жека, забыв попрощаться, бросила трубку. Меня охватило еще большее беспокойство. Ковалева человек воспитанный, не сказать «до свидания» не в ее стиле. Надо позвонить Ване и оговорить пару свободных часов.

Как и все дорогие харчевни, «Горацио» оживает после семи вечера. Днем тут практически нет народа. Впрочем, отсутствие обедающей публики не удивительно. Бизнес-ланч в трактире стоит две тысячи рублей, простому служащему такой расход не по карману.

Когда я вошла в зал, Жека уже сидела за столиком возле неработающего камина. Местные завсегда и недолюбливают этот уголок: человека, который уютно устроился в слишком глубоком кресле с утрированно высокой спинкой, совершенно не видно издали. А какой смысл заходить в одно из самых пафосных мест Москвы, если во время ужина никто не увидит ни твое новое платье, ни сумочку из последней коллекции, ни украшения? Поесть можно и дома, в «Горацио» выгуливают подарки и заграничные приобретения.

– Мне нужна твоя помощь, – комкая салфетку, начала Ковалева и тут же замолчала, потому что к нашему столику подскочил официант и деловито спросил:

– Дамы желают пообедать?

– Принеси что-нибудь, – нервно приказала Жека, – для двоих.

– Пожалуйста, только без руколы, – попросила я.

«Горацио» один из известнейших московских ресторанов. У его хозяина в столице более тридцати заведений разной ценовой политики. Насколько мне

известно, Андрей Бовиков стал ресторатором случайно. В середине девяностых он поехал в Италию, был поражен тамошней кухней, огромным количеством закусовых всех мастей и понял: в Москве-то негде прилично пообедать, некуда сходить вечером с девушкой. Свое первое меню Андрей, повар по образованию, подсмотрел то ли в Неаполе, то ли в Риме, то ли в Милане. В особенности он был впечатлен заморской травой руколой. В Москве тогда салаты из зелени были не в чести, да и россияне слышали лишь про «Оливье», «Мимозу» и селедку под шубой. Рукола с белыми грибами и вялеными помидорами произвела эффект разорвавшейся бомбы. К Бовикову народ пошел шеренгами. Сейчас, благодаря тому же Андрею, средиземноморской кухней в столице России никого не удивишь, и многие поняли: рукола на самом деле горькая жесткая трава, есть зелень и повкусней. Но для Бовикова она как первая любовь, которой ресторатор хранит верность. Резные листочки добавлены у Андрея практически во все, их нет лишь в манной каше. Хотя не знаю, манку у Бовикова пока не подают. Но если он включит ее в меню, то с большой долей вероятности позиция будет обозначена: «рукола на молоке».

– Лампа, я больше не могу, – с отчаянием сказала Жека, – все, мне пришел конец. Край! Утром вышла к машине, вижу, идет цыганка. Знаешь, такая таборная, в цветастых юбках. Остановилась и вдруг говорит: «Устрани свою проблему, или она тебя убьет. Вижу смерть над твоей головой. Деньги давай, если не дашь, точно несчастье случится». И смылась! А я осталась стоять с раскрытым ртом. Мне так жутко! Цыганка смерть пообещала! Я боюсь!

Ну кто бы мог подумать, что умная, образованная Евгения воспримет всерьез дурацкую встречу с мошенницей! Но говорить сейчас Ковалевой что-нибудь вроде: «Ерунда, ты же не идиотка, чтобы верить гаданиям, гороскопам и прочим чудесам» – не стоит. Она меня просто не услышит и подумает, что я не хочу ей помочь. Поэтому я попыталась утешить ее:

– Жека, проблемы бывают разные. Ну, например, твое курение. Я абсолютно уверена: прорицательница намекала на то, чтоб ты как можно скорей отказалась от этого пагубного пристрастия. Сколько ты уничтожаешь сигарет в день?

– Пачку, иногда полторы, – уже спокойнее ответила Ковалева. – В зависимости от рабочих неприятностей. Сама понимаешь, то одно, то другое, то третье.

Я кивала в такт ее словам. Жека давно бросила концерттировать. В свое время ей предложили место в успешном оркестре в Америке. У нее тогда еще была жива мама, Таисия Ивановна, которая категорически отказалась покидать Россию, мотивируя это просто:

– Я не знаю английского языка, мне там поговорить не с кем будет, все подружки здесь, в Москве. Где родился, там и пригодился. Севочка крошечный, тоже по-басурмански ни бум-бум. Ты будешь гастролировать, а мы с мальчиком останемся вдвоем в Нью-Йорке? Даже хлеба не купим. Езжай, доченька, одна, не хочу мешать твоей карьере.

Таисия Ивановна поступила хитро, она не запретила дочери принять предложение от хозяина коллектива, но, великолепно зная ее характер, повела себя так, что Жека сама отказалась от заманчивой перспективы.

Об отце Севы Ковалева никогда не рассказывала, и я давно поняла, что он не несет ни малейшей ответственности за сына, не помогает им материально. Трудно одной тащить на плечах и ребенка, и мать. Таисия Ивановна художница, она постоянно стояла у мольберта и никогда не занималась домашним хозяйством. Как правило, музыканты стараются беречь руки, а заботливые матери помогают детям. Но у Жеки получилось иначе.

Таисия Ивановна не умела даже пожарить яичницу. Бытом в семье Ковалевых занимался ее муж, Олег Сергеевич, профессиональный военный, генерал. Он покупал продукты, готовил еду, а уборкой-стиркой-глажкой занималась домработница Галя. Когда Олег Сергеевич скончался, все хлопоты упали на плечи Жеки. Только не подумайте, что Таисия Ивановна потребовала от дочери исполнения обязанностей прислуги. Ну что вы! Мать очень любила ее, поэтому объявила:

– Не беспокойся, доченька, я буду заботиться о тебе и о Севочке. У меня получится.

Пару месяцев Жека стоически ела на ужин кашу из переваренных макарон с сыром и перешагивала через комья пыли, мотавшиеся по полу во всех комнатах. Наверное, Таисия Ивановна старалась, но у дамы было слабое здоровье, каждый вечер у нее подскакивало давление, кружилась голова, и художница мученическим голосом произносила:

– Сегодня опять не взяла в руки кисти. Как много времени отнимают бытовые хлопоты! Я теряю себя как творческую личность.

Спустя полгода после кончины Олега Сергеевича Жека сама встала к плите и подружилась с пылесосом. Кстати, совсем забыла сказать: Таисия Ивановна работала в жанре абстракции. Я никогда не понимала ее картин, представлявших собой разноцветные пятна на черном фоне. И похоже, никто не проникся талантом Таисии. Дама за всю свою долгую жизнь не продала ни одного произведения, они штабелями складировались в их квартире.

Первое, что сделал Миша Лебедев, женившись на Жеке, это изгнал «живопись» тещи из супружеской спальни. Помнится, Таисия обиделась до глубины души и, что не характерно для воспитанной дамы, откровенно сказала зятю:

– Ты пришел в чужой монастырь, поэтому не заводи тут своих порядков.

Миша человек простой, не творческий, работавший тогда мелким клерком, спокойно ответил:

– Простите, Таисия Ивановна, у вас замечательные картины, но у меня плохо с желудком. Как гляну утром на полотно у нашей кровати, так изжога начинается.

Теща поджала губы и до самой своей смерти самозабвенно ненавидела зятя, несмотря на то что Михаил любил и ценил Жеку, а Севу считал родным сыном. Таисию Ивановну раздражало в Мише все: его привычки, смех, манера одеваться, любовь к одеколону, который интенсивно пах сандалом.

– Поливается парфюмом, как баба, – жаловалась мне она, – я из-за этого кашляю.

Один раз я не удержалась и сказала:

– Мужик, воняющий потом, намного хуже.

Но мать Жеки никак не отреагировала на мои слова. Когда ее не стало, дочь и зять, наверное, вздохнули свободнее.

Несмотря на явное желание Таисии рассорить дочь и зятя, Миша и Женечка жили счастливо. Жека называла мужа «дед Мазай». Когда я услышала от нее это прозвище впервые, то не удержалась от вопроса:

– Слушай, ну почему дед Мазай? Михаил молодой, он совсем не похож на старика! Обычно женщины зовут супругов «котик», «зайчик», а ты придумала странное прозвище.

Жека засмеялась:

– Миша дед Мазай, потому что он нас с Севочкой как зайцев спас. Я натурально тонула в пучине бытовых и материальных проблем. И тут появился дед Мазай, который нас за уши в лодку втащил, и теперь мы вместе весело плывем.

В начале нулевых Михаил каким-то образом заработал неплохие деньги, и они с Жекой открыли частную школу. Она стала в ней директором, заодно ведет уроки музыки и занимается учебно-воспитательным процессом. А Михаил заведует финансами и хозяйственными вопросами.

Узнав о желании супругов создать гимназию, я удивилась. Ни Жека, ни Миша не имели опыта работы с детьми и никогда не руководили другими людьми. На мой взгляд, их затея была обречена на провал. Но неожиданно школа стала пользоваться популярностью, и сейчас у супругов вполне успешное предприятие с очень хорошей репутацией. Жеке удалось подобрать отличных педагогов, которые – надо же – любят детей и хотят привить им знания, а не вытянуть из родителей побольше «спонсорских» денег.

Супербогатыми людьми Ковалевы не стали, большую часть прибыли они вкладывают в гимназию, живут в своей старой квартире, а летом перебираются на дачу, которую построил еще Олег Сергеевич. Правда, Миша сделал везде хороший ремонт и купил всем членам семьи по новой машине. У Жеки теперь много модных вещей, отдыхать супруги ездят в Италию. Но шикарного загородного дома они не построили, «Бентли» не завели и по модным горным курортам не раскатывают. Евгения с Мишей – представители так называемого среднего класса, к олигархической верхушке ни малейшего отношения не имеют. Да, вы, наверное, полагаете, что я ошиблась, перепутала имя отца Жеки, назвала его Олегом Сергеевичем, но до этого упомянула, что Жеку зовут по паспорту Евгения Ивановна. Все правильно, биологический отец Жени погиб за

пару месяцев до ее рождения. Иван Константинович тоже был военным, что с ним случилось, я не знаю. Олег Сергеевич по долгу службы приехал к вдове, привез ей деньги, которые собрали сослуживцы покойного, и... остался навсегда. Олег забирал из роддома Женечку и совершенно искренне всю жизнь считал ее своей дочерью. Но при этом отчим никогда не обманывал девочку, честно рассказал ей, что они по крови не родные. На нее это сообщение не оказало ни малейшего негативного воздействия. Она обожала Олега Сергеевича. Помня о своем безоблачном детстве и счастливой юности под крылом заботливого отчима, Жека ни на секунду не сомневалась, что ее муж будет любить Севочку. Но, к сожалению, Игорь, первый супруг Ковалевой, особой радости при виде малыша не выказывал и вскоре заявил ей:

- У нас родятся собственные дети, Севу лучше сдать в интернат.

Жека настолько опешила, что задала абсолютно неуместный вопрос:

- Зачем?

Супруг не стал лицемерить.

- Я не слишком много зарабатываю, ты не получаешь алиментов на ребенка. Не хочу, чтобы мой собственный сын был лишен каких-то радостей из-за незаконнорожденного мальчишки.

Ковалева тут же взяла паспорт и пошла подавать заявление о разводе. Через несколько лет в семью влился Михаил, и Сева наконец-то обрел лучшего папу на свете.

Воспитанная, сдержанная Жека не принадлежит к числу женщин, которые, едва войдя в офис, громогласно говорят:

- Мой-то! Опять вчера нажрался, налил по брови водкой, скандал устроил! А свекровь! Вот дура! Что она за ужином закатила!

Евгения никогда не пускает посторонних в свою личную жизнь. Даже я, близкая подруга, знаю об отношениях супругов немного. В основном информация ко мне притекала от Таисии Ивановны. Вот она, в отличие от дочери, поболтать любила.

Если я звонила Жеке и слышала от ее матери: «Девочки нет дома. Солнышко, у тебя есть минутка?» – то отлично понимала: разговор шестьюдесятью секундами не ограничится. Художница продержит меня на проводе не менее получаса, сообщит все семейные новости и от души отругает Мишу.

Но если спросить у Жеки: «Как Севочка?» – вот тут и она не станет молчать.

Глава 3

Сын для Жеки – это... подобрать сравнение невозможно. По ее словам, Всеволод красив, умен, гениален, талантлив, великолепен, никогда не совершает ошибок, всегда поступает правильно, он лучший друг матери, ее опора, сильное плечо, надежда и гордость. Если кто-то спрашивал, где работает Сева, она начинала тараторить:

– Он имеет диплом режиссера-постановщика, сейчас ищет пьесу, чтобы воплотить ее на сцене. Очень трудно найти спонсора, который согласится вложить деньги в спектакль, но еще сложнее отыскать достойный литературный источник. Классика Севе неинтересна, она вся давным-давно облизана коллегами, а современные авторы пишут отвратительные тексты.

Большинство людей, услышав подобные речи, понимающе кивают и начинают беседу на иные темы. Но встречаются бестактные особы, которые не унимаются и продолжают любопытствовать:

– Ладно, я понял, что Сева находится в творческом поиске, а работает он где? В каком учреждении получает зарплату?

После короткой паузы, видя, что собеседник не отлипает, Жека говорит:

– На данном этапе Сева – арт-директор московского клуба «Туннель». Это лучшее заведение столицы, оно находится в центре города, там собираются уникальные люди. Мальчик работает на износ, ночью бодрствует, днем спит. Не понимаю, как он выдерживает невероятный график.

Лично мне Сева никогда не казался симпатичным, и я не понимала, что в нем находят девушки, коих вокруг него толпы. Он слишком худой, с болезненно бледным лицом, тонким злым ртом и узким мышинным подбородком. Но самое отталкивающее в лице парня – глаза. И дело даже не в том, что они неприятного зелено-желтого цвета, слишком глубоко посажены и окружены почти черными синяками. Меня пугает их выражение. У Всеволода взгляд лжеца. Всякий раз, когда он разговаривает со мной, меня не покидает ощущение, что парень говорит неправду даже в тот момент, когда сообщает, что на улице светит солнце.

Услышав эту фразу от него, я непременно взгляну в окно и буду весьма удивлена, если не увижу ливня. Меня Сева не обманывал ни разу, но я почему-то пребываю в уверенности, что парень не способен честно говорить ни о чем. Я недолюбливаю его и поэтому всегда с ним излишне приветлива. Он не сделал мне ничего плохого, и я испытываю неудобство от того, что безо всяких причин плохо к нему отношусь.

– Дело не в курении, – вдруг с усилием произнесла Жека, – прости, Лампуша, я не люблю грузить людей своими проблемами, но со мной в последнее время творится что-то странное. Понимаешь, я стала очень нервная, прямо истеричка!

– Если бы так, – засмеялась я, – вспомни Свету Рагозину. Она легко могла опрокинуть на пол пюпитр, разорвать ноты, разразиться нецензурной бранью, а все из-за ничего не значащих чужих слов, которые ей показались обидными. Помнишь, какой демарш она устроила Верочке Каскиной, когда та сказала: «Света, смени помаду, розовый перламутр тебе не к лицу»?

Ковалева поморщилась.

– Каскина всегда была бесцеремонной. Зачем лезть к человеку с советом, если тебя не спрашивают?

– Но это же не повод бросаться на Веру, рвать на ней блузку и орать, пересыпая свою речь бранью, потом бежать к начальству и требовать увольнения бедняжки Каскиной, – продолжала я. – Вот Светлана – психопатка, а ты нормальная, воспитанная женщина, на мой взгляд, даже излишне сдержанная. Я подчас поражаюсь твоему терпению, ты никогда ни на кого не жалуешься.

Жека неожиданно покраснела.

– С неприятностями надо справляться самой, нельзя превращать друзей в жилетку для слез. Если есть желание решить наболевшие вопросы, надо идти к психотерапевту, а не грызть мозг подруге.

Я улыбнулась.

– Лично мне очень помогает Катюша[3 - История знакомства с Катей рассказана в книге Дарьи Донцовой «Маникюр для покойника», издательство «Эксмо»]. Хорошо иметь возможность обратиться к специалисту, он профессионально разберется с твоей бедой. Вот только посещать психолога придется долго, стоят его услуги совсем недешево, и он не даст тебе конкретного совета, не станет жалеть, и, вероятно, в процессе общения ты услышишь от него не совсем лестные для себя слова. А подруга скажет по-свойски: «Наплюй, я тебя люблю, все будет хорошо». И сразу почувствуешь себя намного лучше. Так что у тебя случилось?

Жека положила руки на столик.

– Началось это недели две назад. Мы ужинали дома втроем, болтали о всякой ерунде. Я пошла к плите, чтобы положить Мише жареную картошку. Севочка и говорит: «Мам, ты кусок уронила».

А я не услышала, наступила на ломтик, поскользнулась и чуть не упала, уцепилась в последний момент за мойку. Стою, еле живая, трясусь, сама не пойму, чего так испугалась, поворачиваюсь, а Сева смеется: «Ну, мама, ты даешь! Просто звезды на льду, катание на картошке!»

Жека умолкла на секунду, потом продолжила:

– И что он ужасного сказал? Ничего.

– Мог бы вскочить и помочь тебе устоять на ногах, – неодобрительно заметила я, – а не хихикать себе под нос.

Она чуть сгорбилась.

– Миша вообще ничего не заметил, он в тот момент в телик уставился, там кто-то кому-то гол забил. Сева же попросил: «Ма, плесни мне чайку». И понимаешь...

Жека снова замолчала.

– Говори, – поторопила я ее.

Она сделала глубокий вдох.

– Лампа, мне не с кем посоветоваться, ни Мише, ни Севе рассказать это не могу, и вообще, о таком не сообщают ни врачу, ни священнику, ни родной маме. Но одна я не справлюсь, мне очень страшно.

Она снова набрала полную грудь воздуха, медленно выдохнула и наконец-то решилась на откровенность.

– Я взяла чайник и пошла к столу. Ну сколько там по нашей кухне идти? Шаг?

– Два, – улыбнулась я.

Жека кивнула.

– Вот-вот. Расстояние невелико, но за ту секунду, что я несла чайник, меня охватила такая злость. Нет, ненависть! Страшная! Я ее ощущала физически. Липкая, холодная, черная. Ты когда-нибудь надевала костюм из латекса?

– Не приходилось, – пробормотала я.

Жека содрогнулась.

– А я в школьном спектакле про инопланетян изображала в таком наряде межгалактическую ведьму, никто из детей не захотел ее роль исполнять, пришлось директору в страшилище наряжаться. Очень неприятно натягивать на тело прорезиненную ткань, она противная. Так вот, тогда мне на кухне показалось, что меня снова в тот комбинезон упаковали, я прямо заледенела вся и... не могу дальше говорить!

Она обхватила голову руками и закрыла глаза. Вот тут я испугалась и потребовала:

– Быстро рассказывай. Что бы ты ни сделала, все можно исправить!

Жека подняла на меня грустный взгляд.

– Не разделяю твоего оптимизма. Есть поступки, после которых следует пойти и утопиться.

Я вздрогнула и схватила подругу за плечо.

– Перестань ходить вокруг да около. У нас с Максом много знакомых, мы вытащим тебя из любой беды.

Неожиданно она улыбнулась.

– Спасибо, Лампуша. Я не совершила преступления, я просто подумала, что Севу надо убить! Насмерть! Вот прямо сию секунду вылить ему на голову кипяток. Понимаешь?

Моя нижняя челюсть медленно отвалилась, а Жека мрачно продолжала:

– Я отчетливо представила, как горячая вода попадает Севе на макушку, стекает струйками по лицу, он кричит, а я хохочу от радости. Это нормально?

Хорошо, что она задала вопрос риторически, ей не требовался ответ. Я застыла на стуле истуканом, а она тем временем говорила:

– В ту же ночь мне приснился сон. Иду по коридору с канистрой в руках. Дом богатый, убранство в английском стиле, темные двери, книжные шкафы, ковры. Я прошла через гостиную и вошла в спальню, там огромная кровать с дубовой спинкой, на ней спят две женщины. Лиц не вижу, одеяла натянуты до плеч, незнакомки лежат на животе, перед моими глазами лишь белокурые волосы, явно выкрашенные и уложенные в дорогой парикмахерской. Я спящих не знаю, но понимаю, что они молодые, красивые, богатые. Дальше не поверишь!

Ковалева криво улыбнулась и продолжила:

– Я открываю канистру и думаю: «Вот сейчас плесну бензин на одеяло и подожгу». Понимаешь? Сон такой реальный, как явь, и я в нем размышляю: «Нет, если брошу спичку, женщины скатятся на пол, собьют огонь, живы останутся. Надо действовать иначе». И я обливаю пол вокруг кровати по периметру, чтобы поднялась огненная стена – из-за нее не выбежать. Потом беру спички, но останавливаюсь. Спички? Они короткие, я сама могу обжечься. Вижу на столике длинную свечу. Хватаю ее, зажигаю фитиль, швыряю свечку на одеяло и выскакиваю в коридор, плотно закрыв за собой дверь. Через секунду раздается хлопок, словно лопнула натянутая парусина, бух! И крик! Нет, вопль! Нечеловеческий! Леденящий кровь! А я иду по коридору абсолютно счастливая, на душе прямо эйфория. Я их убила! Сожгла! Уничтожила! Это нормально?

Я постаралась не измениться в лице.

– Это сон, работа подсознания.

Жека схватила меня за руку.

– Именно так! Ты правильно поняла. Значит, я подсознательно хочу убить каких-то женщин? Кого?

Я решила ее успокоить:

– Знаешь, какое количество милых дам мечтает избавиться от свекровей, подружек и начальниц? Есть у меня приятельница Майя, так она купила куклу, написала на ней фломастером «Анна Сергеевна» и была свекровь от души. Ничего катастрофического в твоём сне я не нахожу. И потом, блондинок не стоит воспринимать как живых людей, вероятно, они олицетворение какой-то твоей проблемы.

Жека молча смотрела на меня, а я ощутила прилив вдохновения и подтвердила:

– Да, да, именно так. Сон очень хороший.

– Лучше некуда, – прошептала Ковалева.

– Нет, точно, – настаивала я, – во сне все всегда наоборот! Привидятся похороны – это к долгой жизни. Ты сожгла двух красоток? Не о них речь, на самом деле это предсказание, оно обещает благополучное разрешение некой сложной проблемы. Надо радоваться, а не расстраиваться!

Жека взяла из хлебницы булочку и принялась крошить ее на скатерть, потом тихо произнесла:

– Сегодня утром после встречи с цыганкой я поехала на работу и застряла в пробке. Сажу, пялюсь в окно, слушаю радио, там глупости несут. Ничего особенного, все как обычно. Севочка рано утром пришел из своего клуба и лег спать, Миша отправился в магазин, мы хотим в школу доски купить, стеклянные. Может, ты видела такие, на них не мелом, а фломастером пишут?

На всякий случай я кивнула, а Жека монотонно вещала:

– Понимаешь, никаких сложностей. Вообще. У меня лишь немного побаливала голова и слегка подташнивало. В последние пару месяцев я не очень хорошо себя чувствую, наверное, гастрит или язва проснулась, надо сходить к врачу.

– Здоровая мысль, – одобрила я, – нехорошо, когда в животе буря, а в мозгу мигрень.

Жека дернула плечом.

– Сильно сказано. Просто меня слегка мутило, не стоило на завтрак три круассана лопать, они из жирного слоеного теста, и мигренью свою головную боль я бы не назвала, просто ощущала небольшой дискомфорт. Ну, значит, застряла в толпе машин, ни о чем не думаю, даже не злюсь из-за затора и той цыганки. Важных дел на первую половину дня я не планировала. Тут Миша позвонил и обрадовал: доски есть, дешевле, чем мы рассчитывали, нам обойдутся. Супер, да?

– Хорошая новость, – улыбнулась я.

Жека сдвинула брови на переносице.

– Положила я телефон на сиденье, слышу стук. Поднимаю голову и вижу мальчика лет одиннадцати. Он у машины лобовое стекло протирает, зарабатывает себе на кино. Я боковое окошко открыла, высунулась, хотела ему сказать, что прогуливать школу нельзя, и тут...

Жека прижала ладони к груди.

– На меня словно тот костюм из латекса опять натянули. В секунду, хоп – и готово! Я выскочила из автомобиля, схватила паренька, выкрутила ему руки, ударила его головой о капот, отняла спрей, растоптала его, орала как бешеная. «Убью, убью, сейчас убью!» Народ из соседних тачек повыскакивал, мальчик губку бросил, из своей рубашки вывернулся и удрал. И тут же, оп-ля, я снова нормальная. Стою на дороге, в руках сорочка, люди глазеют. Ужасно! Кое-как я припарковалась, целый час потом не двигалась, то в жар, то в холод меня бросало. И еще странное состояние, руки-ноги трясутся, вернее, они-то неподвижны, а такое ощущение, что дрожат, внутренний тремор, в животе бурчит. Еле успокоилась, поехала назад домой, просидела в туалете, понос начался, тошнота усилилась. Что со мной?

– Наверное, твой организм таким образом реагирует на усталость, – неуверенно сказала я, – поезжай отдохнуть.

Ковалева скорчила гримаску.

– Ты забыла? Мы с Мишей недавно вернулись из Италии. Можно было еще семь дней путешествовать, но Мишина племянница выходила замуж, пропустить свадьбу – значит насмерть ее обидеть. Миша такой заботливый, всю поездку меня по магазинам таскал, хотел, чтобы я потрясающее платье купила, вознамерился мною на людях похвастаться. А когда я, по его мнению, подходящий наряд отыскала, стал туфли с сумкой подбирать.

Я осторожно перевела дух. Кажется, Жека приходит в себя, раз заговорила о тряпках. Надо поддержать эту тему.

– Ну и как? Удалось поразить присутствующих?

Ковалева не улыбнулась.

– Вроде да. Хотя, между нами, можно было в Италии время не тратить. В Москве всего полно. Вот, смотри, какие туфли мне Севочка купил.

Она выставила из-под стола ногу.

– Здоровские, да? Сынуля расстарался, он молодец, всегда и с размером угадает, и с фасоном. Давно хотела такие: легкие, но носок закрыт. Не очень-то прилично директору школы ходить в босоножках с голыми пальцами. Цвет мой любимый, серо-голубой, подо всю летнюю одежду подходит, каблук семь сантиметров, колодка наиудобнейшая, кожа мягкая и украшение в виде банта из стразов на мыске. Я из Италии прилетела, а Севочка их протягивает: «Носи, мамуля, на здоровье. Знаю, ты давно такие ищешь». Я ногу всунула и всплакнула. У кого еще такой заботливый сын, а? Туфельки идеально по ноге сели! Таскаю их не снимая. Один недостаток – цена. Я бы себе никогда обувь за семьдесят пять тысяч не купила.

Мне показалось, что я ослышалась.

– Сколько?

Жека щелкнула языком.

– Совсем наши торговцы обнаглели! Севочка бы мне никогда цену не назвал, он всегда повторяет: «Не спрашивай, что почем, я тебе дарю, и точка». Но я вечером коробочку с деньгами на хозрасходы открыла, а там пусто. Удивилась, конечно, помню, там было девяносто тысяч. И тогда Севе пришлось цену обуви озвучить. Он сказал: «Мама, туфли от Яковини, он каждую пару вручную шьет, у него в клиентках Николь Кидман, Сара Джессика Паркер и другие звезды. Чем ты хуже глупых теток, которые умеют лишь перед камерой рожи корчить? Ты достойна всего самого эксклюзивного». Сева – лучший сын на свете!

Я схватила со стола чашку и прикинулась, будто смакую капучино. Можно ли считать подарком вещь, которую человек приобрел не на свои личные деньги, а на взятые без спроса из семейной кассы? Может, я просто втайне завидую Жене, у которой такой архизаботливый сынок?

– Лампуша, – тихо произнесла она, – учитывая недавний отдых, шикарный презент от сына, полный порядок на работе, объясни, почему я неожиданно

озвереваю? Что со мной?

Я поставила пустую чашку на блюдечко.

- Тебе надо непременно сходить к врачу.

- К психиатру? - уныло буркнула подруга. - Считаешь, что меня пора запереть в сумасшедшем доме?

- Нет, запишись к эндокринологу, - уточнила я, - сдай анализы на гормоны, похоже, у тебя щитовидка шалит. Сама говоришь, тошнит, голова побаливает, вполне возможен какой-то сбой в работе именно этой железы.

- Такое мне не пришло в голову, - повеселела Жека, - понимаешь, в нашей семье есть не очень красивая тайна. Бабушка Севочки, мать Миши, провела последние годы жизни в психиатрической лечебнице. Мы всем говорили, что старушка скончалась, но она ушла в мир иной лишь в прошлом году. Я, когда у меня припадки ярости начались, основательно перепугалась. Безумие прописано в генах, вдруг оно ко мне перешло?

Я улыбнулась.

- Жека, очнись! Ты не можешь унаследовать шизофрению матери мужа, у вас нет общих генов. И Всеволоду оно не передастся, Михаил ему не биологический отец.

Жека отпрянула от стола, потом засмеялась.

- Черт! Я дура, да? Хотела у тебя осторожно узнать, может, я давно психически сдвинулась, пошла в бабку. И за Севочку тряслась, а ну как у него дурная предрасположенность. Но только сейчас сообразила! Мы с ней родные по духу, но не по крови. Фу! Думаешь, у меня играют гормоны? Пропишут таблетки, и все?

Я сказала:

– Прямо сегодня звони Катюше, она тебя полностью обследует и вылечит. Забудешь про приступы ярости.

Жека вскочила и обняла меня.

– Лампуня, спасибо! Я так испугалась, когда эта гадалка ко мне подошла. Из всех людей на улице меня выбрала! Почему?

Я погладила подругу по спине.

– Ничего удивительного. Цыганки отлично считывают настроение людей, они отменные физиономистки. Ты дергалась, нервничала из-за своего здоровья, ромала тут же поняла твое состояние. Ну вдумайся, что она уж такого необычного сказала? «Устрани свою проблему, или она тебя убьет». Да это к любому применимо, у всех в жизни сложности имеются. Обычная цыганская хитрость. Думаю, ты вспомнила приметку: дай гадалке побольше денег, и ее пророчество тогда не сбудется. Сколько отсыпала предприимчивой аферистке?

– Деньги я не считала, весь кошелек отдала, – вздохнула Жека, отстраняясь от меня и садясь на стул.

Я засмеялась.

– Вот мы и докопались до истины. Гадалка хотела подзаработать, ее план с блеском осуществился. Звони Катюше и забудь о глупостях. У жителей мегаполисов часто щитовидка шалит: стресс, плохая экология, напряженный ритм жизни. Все лечится, главное, не запустить болезнь.

– А то еще убью кого-нибудь, – мрачно пошутила Женька.

– Это навряд ли, – улыбнулась я, – но заработать гипертонический криз вполне можешь.

– Надеюсь, до визита к Кате я больше не впаду в ярость, – вздохнула она.

– А ты повторяй про себя: «Это гормоны, не надо попадать под их влияние», – посоветовала я.

Жека хмыкнула, но ничего не сказала.

Глава 4

Продолжить разговор помешал звонок моего сотового.

- Отдохнула? - спросил Иван. - Приезжай в офис.

Я покосилась на Ковалеву. Несмотря на решение пойти сегодня же к врачу, на лице ее я не заметила спокойствия. Наоборот, Жека сильно покраснелась, а в ее глазах заблестели слезы.

- Можно, я перезвоню через пять минут? - попросила я Маслова.

- Ладно, - после минутного колебания сказал он, - что-то случилось?

- Нет, - ответила я, - небольшая семейная проблема, ерунда.

- Жду, - коротко бросил Иван и отсоединился.

Я положила трубку на край стола и улыбнулась Жене.

- На службу требуют? - странным голосом поинтересовалась она. - Почему ты назвала происходящее со мной «небольшой семейной проблемой, ерундой»? Считаешь случившееся глупостью?

Вопрос меня удивил, на секунду я растерялась, но быстро нашла подходящие слова:

- Зачем посвящать чужого человека в наши проблемы?

Жека чуть приподняла голову, оперлась руками о стол, медленно поднялась, секунду постояла неподвижно, затем молниеносным движением скинула на пол

мой мобильный и наступила на него. Послышался жалобный хруст. Сотовый, раздавленный бешено дорогими, подаренными заботливым сыном туфлями, превратился в руины. Далее настал черед посуды. На пол отправились чашки, тарелки, корзиночка с остатками хлеба. Под конец Жека сдернула скатерть. Свои действия она сопровождала визгливым базарным воплем:

– Значит, я ерундой тебя от работы отвлекла? Дрянь!.. Гадина!.. Убью тебя на...!

Не понимаю, что потрясло меня больше: знание Ковалевой ненормативной лексики или ее внешний вид. Лицо подруги побагровело, по лбу и щекам покатались капли пота, нос вытянулся, глаза вылезли из орбит. В воздухе разлился неприятный запах пота. Жека изо всей силы пнула ногой стул и схватила меня за плечо. Я с огромным трудом удержалась от вскрика. Свекольный цвет лица свидетельствовал о том, что Жеке очень жарко, но пальцы, которыми она впилась в мое плечо, были ледяными.

– Ой, мама, – завизжала за стойкой барменша. – Костя, звони в полицию!

В глазах Жеки появилось выражение недоумения и страха. Она отскочила от меня, схватилась руками за голову и бросилась к двери.

– Константин! – надрывалась девушка за стойкой. – Ты где? Скорее набирай ноль два!

Я стряхнула оцепенение.

– Не надо полиции, я оплачу ущерб.

Из двери в углу ресторана появился мужчина.

– Вау! Что здесь произошло?

Я встала и пошла навстречу управляющему, доставая из кошелька кредитку и придумывая на ходу историю:

– Пожалуйста, очень вас прошу, не поднимайте шума. Моя подруга больна, ее лечат сильнодействующими таблетками, которые вызывают резкое

головокружение. Она встала, пошатнулась, случайно уронила посуду...

Барменша сочувственно вздохнула.

– Небось никак родить не может и к ЭКО готовится? Знаю, что это такое, моя сестра через него проходила. Накачивают женщину гормонами, потом у нее крыша едет.

Я протянула управляющему карточку.

– Снимите нужную сумму и возьмите чаевые за молчание.

Он кивнул.

– Вам повезло, что в зале никого нет. У нас после шести вечера аншлаг и папарацци полно, поджидают, когда кто-нибудь из звездных клиентов бучу затеет.

– Мы не болтливые, – подхватила барменша, – будешь язык распускать, место потеряешь. Не волнуйтесь, дальше порога информация о скандале не пойдет. Но вы за своей подругой приглядывайте, как бы она в магазине или на улице буяннить не начала.

Я кивала в такт ее словам и тут услышала трель мобильного.

– Ваш телефон звонит, – сказал администратор, возвращая мне кредитку.

Я быстро вернулась к столику, схватила трубку и услышала тихий женский голос:

– Давайте мирно решим проблему. С вас миллион рублей, и моя дочь забудет о неприятном инциденте.

– Простите, вы ошиблись номером, – сказала я.

– Не хотите разговаривать? – перешла на более высокую тональность женщина. – Ваше право. Денег жалко? Понятно. Но подумайте, чем это для Всеволода закончится. У нас на руках есть справки от врача, снимки синяков Лизы. Не желаете заплатить? Ладно. Тогда мы обратимся в полицию.

– Извините, кому вы звоните? – осторожно поинтересовалась я.

– Евгения Ивановна, не устраивайте спектакль, – зажурчала незнакомка, – вы неправильную тактику избрали. Я предлагаю бескровное решение проблемы. Для вас миллион не очень большая сумма. Лиза хочет учиться в институте, ради высшего образования она промолчит о том, что случилось. Заплатите, и она запрет рот на замок. Если откажетесь...

Тут только до меня дошло: я держу мобильный Жеки, ведь мой она растоптала. У нас с ней одинаковые модели телефонов, и мы поставили себе наиболее простые звонки, никакой полифонии, оркестра или любимых песен: наши трубки издают обычное «дзынь-дзынь».

– Жду вас сегодня в девять вечера в кафе «Синий туман», – продолжала тем временем тетка. – Вместе с озвученной суммой. Если не придете, пеняйте на себя. Советую подумать, как отразятся на вашем бизнесе публикации в прессе о том, что сын владелицы частной гимназии изнасиловал школьницу. И мне много чего о Севе известно. Спросите его, кто такая Таня Иванова. Могу и о ней журналистам рассказать.

Из трубки полетели гудки. Я схватила сумку и ринулась к машине, на ходу роюсь в телефонной книжке подруги. Так, вот номер с названием «папа». Скорее всего, так Жека записала мужа. Олег Сергеевич-то давно умер.

Поговорить с Мишей мне не удалось. Прослушав в пятый раз про временную недоступность абонента, я еще раз просмотрела Жекины контакты и нашла слово «Мурзенька». Отлично знаю, что под этой кличкой скрывается Всеволод. У него телефон оказался включен, но Сева не торопился взять трубку, отозвался лишь на десятый гудок, пробормотав:

– Слушаю, мусик, что случилось?

– Сева, ты? – спросила я.

– Угу, мамуль, кто ж еще? – зевнул парень. – Ох, извини, вчера на работе замотался, у нас парочка олигархов в клубе гуляла, на ушах стояли. Эй, мам, ты в порядке?

В голосе Всеволода зазвучали беспокойные нотки.

– Мамуля! Почему ты меня разбудила? Тебе плохо?

– Сева, это Лампа Романова, – ответила я.

Молодой человек закашлялся.

– Извини, Лампуша, надо мне бросать курить. Представляешь, твой телефон сейчас определился у меня как мамин!

– Никогда не звонила на твой мобильный, – удивилась я. – Откуда у тебя мой номер?

– У меня все мамины знакомые в книжку занесены, – пояснил он.

Я опомнилась.

– Сева, номер высветился верно, я звоню с аппарата Жеки.

– Что с ней? – воскликнул парень.

– Где Миша? – в свою очередь спросила я.

– Он на каком-то складе, – сообщил Сева, – покупает оборудование для школы.

– Наверное, там мобильный не берет, – сообразила я. – Всеволод, слушай внимательно, дело очень серьезное.

Я уже говорила, что не испытываю к Севе особой любви, более того, мне кажется, что парень на полную катушку эксплуатирует родительскую любовь.

Он беззастенчиво тянет из матери и отчима деньги и, как летучая мышь, ночью работает, днем спит. Оживает Ковалев к полднику, долго плещется в ванне, со вкусом завтракает, когда другие уже давно пообедали, и тратит массу времени на выбор одежды. Гардероб Сева обширен, как у девушки на выданье, в моде он разбирается почти профессионально, никогда не спутает ботинки из кожи угря со штиблетами из невинно убиенного питона. За шмотками он катается исключительно в Милан, чем приводит Жеку в восторг.

– Мальчик очень рачителен, – говорит она. – Цены в Италии вполтину меньше, чем в России, выбор вещей намного богаче, качество лучше. Севочка молодец. Зачем зря тратить деньги в Москве?

Услышав подобное заявление, мне всякий раз хочется напомнить Жеке, что ее чадо летает исключительно бизнес-классом и проживает в пятизвездочных отелях. Если учесть все расходы, то пиджаки и пуловеры, привезенные «рачительным» сынком, оказываются золотыми. Может, лучше спокойно приобретать тряпки в России? Но умная Ковалева начисто теряет способность трезво мыслить, когда речь заходит об обожаемом Севочке. Не знаю, сколько денег он зарабатывает в своем клубе, но сильно сомневаюсь, что его оклада хватает на тот образ жизни, который он ведет. Ясное дело, Сева тратит материнские деньги, но при всей моей нелюбви к нему следует признать: Жеку он обожает и сейчас явно сильно обеспокоен моим рассказом.

– Спасибо, что позвонила, – сказал Сева, – надеюсь, мама отправилась домой, если через полчаса она не приедет, я порулю в школу. Непременно отыщу ее и за руку отведу к Екатерине. Мама после возвращения из Италии постоянно нервничает, я решил, что отец ее на отдыхе достал. Он может до ручки довести своей заботой.

– Как можно заботой довести до ручки? – невесть зачем задала я вопрос.

Из телефона слышался смешок.

– Элементарно. Отец настырен в своем желании сделать близких здоровыми. Вот свежий пример. В мае он проходил обследование в кардиоцентре, врач ему посоветовал есть рыбу, дескать, в ней содержится вещество омега-три, оно растворяет холестериновые бляшки в сосудах. Отец воодушевился, и началось! Купил рыбий жир в капсулах, начал его в нас с мамой запихивать, выкинул из

дома мясо, теперь в нашем холодильнике филиал рыбоперерабатывающего завода: салат из сайры, паштет из сардин, жареный палтус, скумбрия горячего копчения, туец в масле! Брр! Я буквально ощущаю, как у меня плавники отрастают, а кожа в чешую превращается. Но предка не остановить, он нас с мамулей до смерти здоровым питанием доведет. Когда они вернулись из Рима, мама через пару дней начала истерики закатывать.

- Жеке не свойственно скандалить, - перебила я Севу.

- Согласен, - отозвался парень, - поэтому я и решил, что ее папулька на отдыхе доконал. Если вы живете в браке со времен динозавров, не надо устраивать совместный тур по загранице, лучше порознь мотаться по Европам, на время оставить друг друга в покое, отдохнуть от семейного счастья. Я понадеялся, что мать вернется в школу и успокоится. Но, знаешь, Лампа, за последние дни у нас дома натуральный сумасшедший дом. Мама в постоянной агрессии, на ровном месте психует. Теперь я займусь ее здоровьем. Может, это климакс?

- Возрастные скачки настроения отлично лечатся, - вздохнула я, - значит, ты сейчас отправишься искать Жеку? Мне можно не волноваться?

- Успокойся, - попросил Сева, - я отброшу все дела.

- Есть еще одна новость, - сказала я, - позвонила странная женщина. Ты знаком с девушкой по имени Лиза?

- Лампа, я работаю в клубе, у нас полно девок, - снисходительно пояснил Сева, - посетительницы, танцовщицы, официантки, с десятков Елизавет назову. Которую ты имеешь в виду?

- Фамилию не знаю, звонившая утверждала, что ты пытался изнасиловать ее дочь Лизу, она требует миллион рублей за молчание, если не получит денег, пойдет в полицию, - передала я угрозы незнакомки.

Всеволод расхохотался.

- Забей.

- То есть как? - изумилась я.

- Мало ли идиоток, которые хотят денег срубить, - заявил Сева. - Надоели! То они от меня беременны, то я им предложил замуж выйти, то грубо принудил к сексу. Забудь, это простой, как валенок, шантаж. Лимон! Во дает! Хорошо, хоть не в валюте.

- У тетки на руках справка от врача, - добавила я.

Радостное ржание не дало мне договорить.

- Лампуша, наплюй. Или вот что, пошли мне эсэмэской номер телефона дуры, я сам разберусь.

Я решила еще раз уточнить:

- Ты уверен, что женщина не пойдет в полицию и не поднимет скандал в прессе? Она еще говорила про какую-то Таню Иванову!

Сева закашлялся, потом, судя по звуку в трубке, сделал пару глотков воды.

- Круто! Таня Иванова! Я прямо половой монстр! Годзилла на тропе разнузданного секса! Маньяк разбушевался! Лампа, включи логику. Ну с какой радости мне кого-то насиловать? Девки и так вокруг в штабеля укладываются. Если я кому-то предложил в кино сходить, а меня послали, не стану рыдать или впадать в гнев. Девчонки - как такси: одно уехало, а парочка других уже наперегонки к тебе спешат. Поверь, я не испытываю недостатка в женском внимании.

Беспокойство, комом стоявшее в горле, неожиданно растаяло. Всеволод говорит правду, он всегда находится в окружении девушек, которые готовы раздеться, едва наш мачо бросит в их сторону лукавый взор.

- Сообщи мне телефон нахалки и забудь, - вещал тем временем Сева, - хорошо, что кретинка не напала на мамулю. Вот дрянь! И откуда она ее номер узнала? Ну ничего, я разберусь. Спасибо, Лампа, я всегда знал, что ты лучшая, самая честная, замечательная подруга мамы. Она не сентиментальна, но, поверь, тебя

очень любит. И я тебя люблю, спасибо, что ты у нас есть!

Ну и каково это – услышать такие слова от парня, к которому без всякой на то причины относишься с недоверием? Я смутилась и проямлила:

– Пожалуйста, я всегда готова помочь, вечером привезу Женькин телефон, а пока отключу его от сети.

Глава 5

Иван не стал отчитывать меня за опоздание, он не посмотрел демонстративно на часы, не спросил: «Где тебя носило?», взял со стола лист бумаги и как ни в чем не бывало предложил:

– Записывай адрес. Куркино...

– Что у нас там? – деловито осведомилась я, черкая ручкой в блокноте.

– Валентина Игоревна Тяпкина, – озвучил Ваня, – слышала о такой?

– Ни разу, – удивилась я, – а должна?

Маслов похлопал ладонью по столу.

– Тяпкина писательница, творит под псевдонимом Нечитайло.

– Ты шутишь? – хихикнула я. – Кому в голову пришла идея публиковать романы под такой фамилией?

– Позвольте объяснить, – раздался из глубины кабинета приятный баритон.

Я повернулась на звук и увидела: в кресле, спрятанном между большим шкафом и стеной, сидит мужчина, одетый, несмотря на август, в темный костюм.

– Я не представил вас друг другу, – спохватился Ваня. – Евлампия, наша лучшая сотрудница, может все.

Я заулыбалась во весь рот, надо будет потом сказать шефу, что фраза «может все» звучит слегка двусмысленно.

Незнакомец протянул мне руку.

– Адам Корсунский, издательство «ВКЛ».

– Очень приятно, – кивнула я, пожимая его ладонь, – лучше обращаться ко мне «Лампа».

– Согласен с вами, псевдоним Нечитайло является образчиком дебилизма, – продолжал Адам. – Валентина перешла к нам из другой структуры. Слава богу, на некоторых писателей снисходит озарение, и они понимают: «ВКЛ» – лучшее издательство. Мы готовы раскрутить автора с нуля до первых мест в рейтинге. Валя талантливый, амбициозный человек, она хочет пробиться и, поверьте, вполне способна потеснить на рынке Джоанн Роулинг, чьи истории о мальчике-волшебнике уже поднадоели читателю.

– Нечитайло пишет фантастические сказки? – предположила я.

– Нет, психологические истории о женской судьбе, – уточнил Адам. – И, к сожалению, прежний издатель не захотел публиковать их под фамилией Тяпкина и придумал псевдоним Нечитайло. Теперь это бренд, поменять его нельзя. Мы сейчас представляем новый цикл романов Валентины, запускаем серию «Ваш домашний друг».

Я старательно удерживала на физиономии вежливую улыбку. Нечитайло – никуда не годная для писателя фамилия, но и название серии тоже не слишком удачно. Что значит «домашний друг»? Лично я сразу думаю о собаке или кошке.

– Изменить псевдоним не получится, – говорил Адам, – а вот внешность Вали нужно скорректировать. Препрежнее издательство придумало ей образ... м-м-м, как бы помягче сказать... дамы без комплексов. Мини-юбка, прозрачная блузка, красные сапоги-ботфорты, джип, разрисованный под леопарда, макияж как у... –

Адам замялся.

- Проститутки, - некорректно уточнил Ваня.

Корсунский кивнул.

- Не хочется употреблять подобные выражения, но да, вы правы. Наши конкуренты внушили Валентине, что ее имидж - это агрессивная сексуальность, и практически утопили писательницу.

- Почему? - удивился Маслов. - Сейчас такой тип в моде.

- Психологические байки о дамских проблемах не интересуют мужчин. А женщинам не очень нравятся особы, которые перетягивают на себя внимание сильного пола, - сказала я. - Дама вамп-красотка-хищница не станет подругой для потенциальной аудитории писательницы. Нужен образ спокойной, милой приятельницы, много испытавшей на своем веку и не растерявшей оптимизма, доброжелательности. Читательницы должны воспринимать Валентину как преданную подругу, с которой можно посоветоваться. Ботфорты, мини-юбка и внедорожник-хищник в этот образ не вписываются.

- Вы четко уловили суть проблемы, - похвалил меня Адам, - если Валя изменит свой имидж, тираж ее книг резко возрастет. Но вот беда, она с огромным трудом соглашается на все наши предложения. Возникли сложности. Сейчас включу запись, сами увидите.

Адам вынул из портфеля айпад и постучал по экрану. Кабинет наполнило красивое сопрано:

- Добрый день, мои дорогие и любимые, те, кто на работе, и те, кто дома. Настало время обеда, сделайте перерыв, налейте себе чашку чая и присоединяйтесь к программе «Женская душа». Есть проблемы, с которыми не пойдешь ни к маме, ни к лучшей подруге, и тогда на помощь спешит наше телешоу и его ведущая Ольга. Сегодня у нас не новая, а можно сказать, затасканная тема, которая, к сожалению, из века в век не теряет своей актуальности. Мужская измена. Психологи утверждают, что наши супруги любят глазами. Мол, сами вы, бабы, виноваты: нацепите халат, ходите по квартире росомхой, без макияжа, а любовница-то всегда при параде. Но давайте

вспомним историю! Разве мало мужей бегали от жен-красавиц? Так что надо мужикам? Ум? Внешность? Хозяйственные навыки? На все эти вопросы нам ответит писательница Валентина Нечитайло.

– Участия Тяпкиной в этом шоу мы добились с огромным трудом, – пояснил Адам, – и заплатили приличную сумму продюсеру.

Я кивнула, не отрываясь от экрана. Камера чуть отъехала, стала видна женщина, сидящая в кресле. Длинные, выкрашенные в цвет прокисшей сметаны волосы плохо сочетались с широкими черными бровями и желтым цветом лица. Кудрявая челка падала на лоб, глаза прятались за наклеенными ресницами. Интересно, кто посоветовал тетке прилепить на верхние и нижние веки щетину от зубных щеток, щедро намазанную сапожным кремом цвета «электрик»? И вообще, кто накладывал ей макияж? Румяна цвета перезрелого апельсина и сиреневая помада. Впрочем, одежда тоже мало подходила даме и совершенно не годилась для дневного эфира кабельного канала, чьей основной аудиторией являются домохозяйки.

Узкое красное платьишко держалось на тоненьких бретельках. Бюст без лифчика сполз в район талии, коротенькая юбочка задралась почти до пояса, широкие, покрытые прыщиками обнаженные плечи Валентины и ее совсем не идеальные ноги в босоножках были выставлены на всеобщее обозрение. Стало понятно: кабинет педикюра не то место, которое Нечитайло посещает два раза в месяц. А еще она не знакома с эпиляцией: нижние конечности красавицы щетинились черными волосами.

– М-да, – крикнул Ваня, – нельзя сказать, что она прекрасна.

– Так что надо мужчинам? – повторила ведущая, которая, в отличие от гостьи, была ухоженной и одетой в скромное закрытое платье цвета беж.

Писательница выпрямилась, закинула ногу на ногу и коротко сообщила:

– Секс!

Ольга попыталась вернуть программу в правильное русло:

- Давайте поговорим о любви, долге и...

- Чепуха, - перебила ее Валентина, - болтовня про кастрюли, детей, стирку, глажку - удел убогих финоманок.

- Кого? - непрофессионально переспросила ведущая. - Может, нимфоманок?

- Именно, что манок, - кивнула Валя, - тех, кто в койке как бревно.

- А! Вы имеете в виду фригидных женщин, - попробовала избежать скандала Ольга. - Да, это проблема, но о ней поговорим как-нибудь в другой раз. Любовь, она...

- Секс, - громко объявила Валентина, - мужик животное, у него три потребности, три «по».

Ольга заморгала, писательница вытянула вперед руку. Ногти на пальцах оказались заклеены грязными кусочками пластыря.

- Потрахаться, пожрать, поспать. Удовлетворите эти его желания, и обезьяна ваша навеки!

Адам постучал по экрану. Изображение исчезло.

- Дальше можно не смотреть. Эфир прямой, это не запись. Ни вырезать, ни подкорректировать, к сожалению, ничего нельзя.

- Думаю, вашу подопечную на этом канале включили в черный список, - сказала я. - Почему бы вам не объяснить ей, что надо говорить и как одеваться?

Корсунский заломил руки.

- Сто раз твердили! Валентина вроде поняла, обещала прийти в приличном виде, и текст выступления мы ей вручили. Про семейные ценности. И она нас вроде послушалась, вошла в телецентр, прикрытая длинной шалью, вполне пристойно выглядела. А как только включились камеры, скинула ее, и оп-ля - полураздетая помятая пионервожатая!

Иван захихикал.

– Не смешно, – мрачно буркнул Адам. – Валентина считает себя суперкрасавицей, гениальной мегаженщиной. Еще она хочет выйти замуж за олигарха и уверена, что непременно поймает достойного жениха на крючок своего очарования.

– Может, где-то и бродит слепой «форбс», – развеселился Ваня. – Или совсем старенький миллиардер, лет эдак ста пятидесяти. Такому и Баба Яга – спелое яблочко. Есть у вашей Валентины шанс!

– Вам весело, а я вложил в новую серию ее книг кучу денег, – вздохнул Адам, – провел масштабную рекламную кампанию. Валентина своим поведением губит дорогостоящий проект.

Я пожала плечами:

– Зачем вы с ней связались? Неужели сразу не поняли, что она принесет проблемы?

Корсунский убрал айпад в портфель.

– Так она поначалу тихоней казалась. Пришла в издательство, притащила десять готовых романов. Десять! Из прозаиков надо каждый абзац выколачивать, никто вовремя свою нетленку не приносит. У меня редакторы на телефонах висят, ноют:

– Любимые, когда книжечку притащите? Чем вам помочь? Продукты купить? Кашку сварить?

А у Валентины десять законченных рукописей. Бриллиант!

– Как Нечитайло была одета, когда вошла в ваш кабинет? – поинтересовалась я. – Элегантный костюм со светлой блузкой или, может, шелковое платье цвета мокрого песка с юбкой за колено?

Адам откашлялся.

– На ней была расстегнутая шуба – крашенный под леопарда кролик, простеганный золотыми шнурами. Под манто вечернее платье в блестках, очень короткое, оранжевого цвета. И малиновые сапоги-ботфорты выше колена, узкий длинный нос, каблук-шпилька, платформа. В таких д’Артаньян разгуливал.

Мне стало смешно.

– Думаю, драчливый гасконец ни за какие сокровища не согласился бы даже посмотреть на описанные вами сапоги. Почему вы не насторожились, когда эта красавица вошла в кабинет? Неужели не поняли, что Нечитайло не из породы скромниц?

Адам опустил глаза долу.

– У нас состоялся откровенный разговор. Валентина плакала и говорила: «Хозяин конторы, где я пока издаюсь, развратный тип, требует от меня интимной близости, преследует, хочет сделать своей рабой. Я ему по две рукописи в месяц таскаю, пишу и отношу, пишу и отношу».

Корсунский перевел дух.

– Ясно, – кивнула я, – вы услышали про удивительную работоспособность Валентины и разом позабыли про ее внешний вид.

Адам чуть ослабил узел галстука.

– Скажу честно: Валя трудолюбива, как китаец из бедной провинции Поднебесной. С шести утра она, образно говоря, рис выращивает и безотказно раз в четырнадцать дней приволакивает роман. Если честно, рукопись всегда требует серьезной правки, но переписать-то можно все! А что делать с ее речью и внешностью? Как придать ей презентабельный вид? Стряхнуть с нее имидж гетеры с трех вокзалов?

– Черного кобеля не выкрасить в блондина, – элегически заметил Ваня. – Из песка не вылепить конфетку.

– Что вы хотите от нас? – задала я конкретный вопрос.

– Повлияйте на Нечитайло, сделайте из нее удобоваримый медиаперсонаж, – попросил Адам.

– Обратитесь лучше в пиар-агентство, – посоветовала я, – или к психологу.

Адам оглянулся.

– Чувствуете запах?

Мы с Иваном дружно зашмыгали носами и хором заявили:

– Нет.

– Ваниль с кокосом, – почему-то излишне нервно сказал издатель, – наверное, мне показалось. Были у нас и душеведы, и спецы по имиджу, никто с Вале́й не справился, одна надежда на вас. Она согласилась на коуча.

– Странной породы зверь! – поразился Маслов.

– Коуч – значит тренер, – устало пояснил Адам. – Мы наврали писательнице, что специально ради нее из Америки прилетела звезда коучизма, которая помогала Мадонне, Агилере, Фрэнку Синатре и Бритни Спирс стать великими, раскрутила их на заре карьеры, если Валя ей подчинится, то затмит всех, в особенности Смолякову.

Я решила кое-что уточнить.

– Роль заморского коуча отведена мне? Маленькая неувязочка: великий певец Америки, сладкоголосый Фрэнк Синатра скончался в тысяча девятьсот девяносто восьмом году в возрасте восьмидесяти трех лет. Я что, похожа на бессмертного Горца или графа Калиостро?

– И про Бритни Спирс лучше забыть, – вклинился со своим мнением Ваня. – У девчонки не лучшим образом дела складываются.

– Вы согласны! – обрадовался Адам.

– Можно попробовать, – без особого восторга кивнул Иван. – Но ваш случай очень запущен, поэтому сумма прописью будет вот такой!

Маслов живо нацарапал на бумажке цифру и протянул листочек Адаму. Ковальский вскинул брови.

– Право, смешно! На такой бюджет можно в космос лететь. Вот мое предложение!

Листок вновь оказался в руках моего шефа.

– Вы понимаете, что обратились к лучшим специалистам России? – возмутился Ваня. – Хотите купить алмаз по цене спичек?

Примерно полчаса Корсунский и Иван вели торг. Я сидела молча. Когда две акулы обсуждают финансовые проблемы, маленькой рыбешке лучше спрятаться в водорослях. В конце концов Ваня распечатал на принтере договор и сунул его Адаму. Издатель самым внимательным образом перечитал документ несколько раз, а затем, сопя, проставил на каждой странице свою подпись золотой «Монтеграппо». Шеф бросил на меня быстрый взгляд, я подмигнула ему и снова замерла с непроницаемым лицом. Молодец Ванюша, выжал из книгоиздателя сумму, в пять раз превышающую наш стандартный гонорар. Если мне удастся повлиять на строптивую Валентину, «Ноупро» получит хороший куш, а мне достанется приятный процент. Не считите меня меркантильной особой. Конечно, я легко могу попросить денег у мужа. Макс никогда не откажет любимой жене. Но как представляю себе мизансцену – стою в кабинете с протянутой, сложенной ковшиком ладонью и ною: «Максик, мне нужны колготки и губная помада», так сразу хочется самой заработать на машину себе и мужу. На мой взгляд, не следует целиком и полностью зависеть от супруга, даже такого щедрого, как Макс.

Глава 6

Дверь лифта в подъезде писательницы украшали два объявления. Первое было составлено грамотеями из домоуправления: «Господа жильцы! Лифт работает со

второго этажа до четвертого ноября». Второе оказалось не менее удивительным: «Пентхаус писательницы Нечитайло расположен на третьей кнопке, просьба к журналистам соблюдать тишину и не гадить в кабине».

Я постояла пару секунд в раздумьях, потом начала медленно подниматься по ступенькам. Как-то странно получается. Дом, в котором я нахожусь, представляет собой высокую башню. А пентхаус – это комфортная большая жилплощадь под крышей здания. При чем тут третья кнопка?

Не успела я приблизиться к нужной двери, как та распахнулась, явив миру Валентину в скромной домашней одежде. На литераторше была коротенькая распашонка леопардовой расцветки, блестящие мини-шортики, кожаный пояс, сетчатые колготки и босоножки из прозрачного пластика на карикатурно широкой и высокой платформе. Мой нос уловил резкий, назойливый запах кокоса и ванили.

– Едем? – коротко бросила хозяйка.

– Здравствуйте, – улыбнулась я, – меня зовут Лампа, я специально прилетела из...

– Знаю, слышала, – отмахнулась Валя и пальцами с замотанными пластырем ногтями отбросила со лба вытравленную прядь волос.

– Что у вас с рукой? – поинтересовалась я.

– О клавиатуру пальчики в кровь сбила, – пожаловалась она. – Думаешь, легко великие книги получаются? Колошмачу по клавье с пяти утра до полуночи, стучаю, брякаю, только ногти по кабинету разлетаются.

Голос Вали перекрыл грохот, я зажала уши. Через пару секунд душераздирающий звук стих.

– Чертовы соседи, – с возмущением сказала она, – над моим пентхаусом ремонт уже год идет. Ну, двигаем в магазин за новой одеждой? Я готова.

– Сегодня мы просто поговорим, – предложила я, – обсудим план действий.

– А шмотки? – расстроилась Валя. – Я специально в четыре утра встала, чтобы главу дописать и в торговый центр успеть!

– Простите, очевидно, вас неверно информировали, – произнесла я. – Мне сначала необходимо увидеть вашу квартиру, посмотреть, где вы даете интервью.

– Пентхаус, – поправила Валя, – я приобрела наиболее дорогой вариант жилья. Сейчас строю дом с видом на Рублевку. Понимаешь, я очень богата и знаменита.

– Отлично, – кивнула я, – у вас, наверное, часто бывают журналисты?

– Каждый день! – не моргнув глазом соврала литераторша. – За пять минут до тебя корреспондент из «Фигаро-Нью-Йорк» ушел.

Я подавила вздох. Газета «Фигаро» выходит во Франции, в США свои издания, их там много, естественно, все я не знаю, могу назвать лишь «Вашингтон пост». Но почему-то уверена: еженедельника «Фигаро» в городе небоскребов нет.

– Где вы принимаете репортеров-борзописцев? – улыбнулась я.

– Да уж, согласна, совсем они оборзели, – заголосила Валентина. – Пишут, что хотят!

Я молча шла за хозяйкой по узкому коридору, оклеенному обоями, имитирующими простеганную золотыми шнурами телячью кожу. Глагол «оборзеть» не имеет ни малейшего отношения к существительному «борзописец», последнее родилось от слова «борзо». Борзописец – тот, кто быстро пишет. Так в девятнадцатом веке именовали журналистов, способных в мгновение ока написать статью. Интересно, кто Валя по образованию? В ее биографии, которую мне предоставил Адам, значилось: «Имеет диплом Чердыкинского техникума балета, циркового искусства, торговли и философии». Факультет, где училась Нечитайло, не указывался. Кто она – клоун, балерина, продавщица или философ, – неясно. Надо было перед визитом поискать на карте России город Чердыкинск, а заодно порыться в Интернете, отыскать там сайт техникума и найти среди выпускников Тяпкину.

– Сюда, – приказала Валя, распахнула дверь и первой вошла в комнату.

Я, не ожидая ничего плохого, последовала за ней и с трудом удержалась от визга: «Мама родная!»

Прямо перед моими глазами из стены выбирался наружу... медведь. Прошла, наверное, минута, прежде чем я сообразила: это просто голова огромного Топтыгина, повешенная в качестве украшения.

– Не бойся, – по-свойски похлопала меня по плечу Валя, – ондохлый. Мы с моим другом олигархом ездили на сафари в Кению, я там медведицу завалила.

Я чихнула. Бурые мишки не обитают на Черном континенте, там в изобилии водятся другие представители фауны: львы, носороги, обезьяны, жирафы.

– Иди, не укусит, – велела Валентина, – шагай смело.

Я еще раз чихнула, преодолела порог, зажмурилась, потом тихонечко приоткрыла один глаз. С чем бы это все сравнить?

Кроваво-красные обои с золотыми горизонтальными полосами, алый диван, бордовые кресла, ковер цвета моркови, занавески, словно испачканные в томатном соке, стол, накрытый скатертью, напоминающей окровавленную простыню. В углу маячит ярко-желтый торшер в виде обнаженной женской фигуры, в поднятой руке она держит абажур, смахивающий на половинку помидора, густо усеянного стразами. Чуть поодаль стоит буфет, покрытый позолоченной резьбой, с потолка свисает громадная люстра с хрустальными яблоками и стеклянными цветочками. На противоположной от медведя стене прибиты головы двух оленей, между окнами торчит башка горного козла, а на софе лежит маленькая, беленькая, очень грустная собачка и мерно помахивает коротким хвостиком.

– Красиво у меня? – с чувством произнесла Валя. – Нельзя жить в хламе. Правда?

У меня от обилия красного цвета, золота, хрусталя и трупов животных закружилась голова. Чтобы позорно не свалиться на пол, я быстро села около симпатичной болонки, погладила ее по голове и спросила:

- Как ее зовут?

Странное дело, псинка продолжала лежать в одной позе, помахивая без перерыва хвостиком.

- Это был Нарцисс, - пояснила Валя.

- Почему вы употребляете глагол «быть» в прошедшем времени? - удивилась я. - Нарцисс, здравствуй.

- Ондохлый, - довольно засмеялась Валентина. - Чучело.

Я отдернула руку, отодвинулась в другой конец дивана и оторопело спросила:

- А почему хвостом машет?

- Батарейка в живот вшита, раньше он еще глазами моргать мог, - сказала хозяйка и внезапно вспомнила о гостеприимстве: - Кофе хотите?

- С удовольствием, - прошептала я, боясь лишиться чувств.

Валентина ушла, я прикрыла глаза и впала в состояние одуревшей ящерицы. Из головы испарились все мысли, кроме одной: Адам пообещал нам большие деньги, но, боюсь, я не справлюсь с поставленной задачей. Каким образом можно обтесать тетушку не первой свежести, которая обитает в кроваво-красной комнате, с головами несчастных зверей на стенах и чучелом болонки на диване?

- Не верьте, она врет! - прошептал тихий, слегка картавый голос.

Я вздрогнула и открыла глаза.

- Кто здесь?

- Брешет, как тупая лошадь, - раздалось из стены, на которой красовалась башка Топтыгина.

Мне стало не по себе: звук исходил из мишки.

– Вы кто?

– Сережа, – ответил Михайло Потапыч. – Здрасте.

Я сглотнула слюну и выдавила из себя:

– М-м-м. Добрый день.

– Хочу предупредить, – продолжал зверь. – Валя лгунья. Ни единому ее слову не верьте! Вообще! Любую информацию делите на три части: первая брехня, вторая фантазия, третья выдумка. Вот так!

Я ущипнула себя за бок. Нет, это не сон. Я на самом деле сижу в красном кошмаре, и, похоже, у меня начались глюки. Я плохо переношу духоту, от сперттого воздуха у меня кружится голова, мозг перестает соображать. У Валентины же в гостиной, несмотря на теплый август, наглухо закупорены окна. Хозяйка обильно облилась духами с нотами кокоса и ванили, и еще в комнате витают непонятные ароматы: то ли это пыль, то ли миазмы, которые издают чучела, таксидермисты, наверное, пропитывают свои изделия дезинфицирующими составами. Что они используют? Формалин? Слышала, что это вещество ядовито.

– Мне давно не удавалось поговорить с живым человеком, – зашептал медведь.

Я снова ущипнула себя. Спокойно, Лампа, все хорошо. Давай рассуждать логически. Животные не владеют человеческой речью, поэтому разговора ни с собакой, ни с кошкой, ни с мышкой не получится. А попугаи, спросите вы? Ну они просто имитаторы, смысла в их речах нет. Но даже если представить, что на свет появился крайне умный и говорливый Михайло Потапович, то согласитесь: болтать может лишь живой зверь. А на стене-то красуется одна голова без туловища. Я попросту надышалась ядовитыми парами, отравилась духами писательницы и...

– Вы меня слушаете? – забеспокоился Топтыгин. – Эй, отвечайте!

Я встречала людей, которые употребляли галлюциногенные препараты, и еще хорошо знаю: когда алкоголик впадает в белую горячку, он видит зеленых чертей, розовых мышей и прочую нечисть. Но как поступить, если глюк настойчиво желает побеседовать с тобой, а ты не прикасалась к наркотикам и спиртному?

- Очнитесь! - потребовала медвежья голова. - Дайте мне использовать уникальный шанс! Неизвестно, встречу ли я еще с человеком. Мне не разрешают ни с кем общаться. Ау, откликнитесь! Вы глухая?

- Да, - проямлила я, - то есть нет.

- Не верьте Вальке, - судорожно зашептал мишка, - она меня эксплуатирует! Я очень устал, а она требует новых и новых книг. Если я торможу, есть не дает, телик вырубает. Понимаете?

- Нет, - прошептала я.

- Все произведения Нечитайло написаны мною! - признался хищник.

Я изо всех сил постаралась улыбнуться.

- Знаю, я не очень красив, - частил медведь. - Ростом не удался, всего метр шестьдесят пять, не произвожу хорошего впечатления. И эта растительность на лице! Утром побреешься, а к полудню опять мохнатый! С зубами у меня не супер... Вот Валька и предложила: «Серегга, ты кропай текст, а я буду книги продвигать, стану лицом нашего проекта». Где был мой ум, когда я согласился? Теперь Валентина звезда, получает деньги, а я?

Со стороны стены понеслись всхлипывания.

- Я полностью от нее завишу. Обо мне никто не слышал! Я заперт в четырех стенах! Никого, кроме Вальки, не вижу! А она меня третирует! Пульт от телика прячет! Ну как я сериал включу? И сам хочу попасть в эфир! Очень!

Я уставилась на темно-коричневую морду с оскаленными зубами. Да уж, с подобной внешностью не позовут в телепрограмму. С другой стороны, если в

студии появится говорящий медведь, это, несомненно, повысит рейтинг канала. И странно, что Михайло Потапович так переживает по поводу пульта. У него же нет лап. Чем нажимать на кнопки?

- Помогите, умоляю, - ныла башка.

Я откашлялась.

- Чем помочь?

- Расскажите людям правду! - потребовал глюк. - Объясните всем: Валентина лгунья, автор великих психологических бестселлеров - Сергей.

На секунду я представила себе реакцию репортеров, которые услышат от меня заявление: «Под псевдонимом Нечитайло на самом деле скрывается бурый медведь, чья голова украшает гостиную писательницы», и с шумом выдохнула.

- Сделаете, да? - не успокаивался мишка. - У вас есть визитка?

Я кивнула.

- Дайте одну мне, - приказал главный герой русских народных сказок.

- У вас нету рук, простите, лап, - заметила я. - Как вы возьмете карточку?

- Положите ее морде в рот, - не смутился глюк, - скорей, пока Валька не вернулась. Ну же, не спите!

Можете сколько угодно смеяться надо мной, но я подчинилась, раскрыла сумочку, вынула визитку, встала с дивана и осведомилась:

- А вы меня не укусите?

- Я интеллигент в пятом поколении, - возмутилось чучело, - в нашей семье не принято грызть женщин! И отца, и деда всегда упрекали в излишней мягкости по отношению к супругам и детям. Воспитывайся я в иной среде, Валентина бы

не смогла мне на шею сесть и ноги свесить.

Я быстро сунула между зубов монстра свою визитку и не удержалась от любопытства:

– Зачем вам мой номер телефона?

– Вдруг мне удастся подобраться к трубке, – донеслось из башки, – звякну вам, тогда поболтаем. Тсс! Молчок! Не говорите Вале о нашей беседе! Слышите? Она возвращается.

Я быстро отскочила к дивану и плюхнулась на него. Дверь открылась, появилась Валя, в руке она держала одну кружку, из которой свисала нитка с белым квадратиком на конце.

– Держите, – сказала литераторша и поставила чашку на столик.

Я автоматически взяла ее. Ни сахара, ни конфет, ни печенья тут гостям не предлагают.

– Сейчас четко обозначу, что мне надо! – гаркнула Нечитайло. – Слушай и запоминай! Я самая лучшая писательница этой страны. Гениальная! Но тупое издательство мешается у меня под ногами.

Я молча слушала Валу. Хорошо, что люди не умеют читать мысли друг друга. Литераторша уверена, что я поглощена ее рассказом. Но на самом деле в моей голове царит полнейший беспорядок, там теснятся вопросы, не имеющие ни малейшего отношения к продвижению мадам Нечитайло к заоблачным высотам рейтинга книжных продаж. Как Топтыгин сможет мне позвонить? Каким образом медведь достал из своей пасти визитку? Сейчас ее там нет. Пока я наблюдала, как Валя вносит чай, картонный прямоугольник словно по волшебству испарился. Куда он подевался? Мишутка его проглотил? Я совсем сошла с ума? Может, Валентина облилась галлюциногенами или на мой разум убийственно подействовал интерьер в красно-золотых тонах? И почему чай, который принесла хозяйка, имеет такое странное название, вон, на нитке ярлычок с надписью «Чаюха для понюха».

– И последнее, но главное, – ворвался в уши визгливый голос Нечитайло, – хочу, чтобы Миладка Смолякова оказалась в навозной куче. Издательство обязано на первое место поднять меня, а эту дуру с ее тупыми детективчиками с рынка выпереть навсегда! Изъять ее книги из продаж! Запретить! Навечно! Понятно? Я вверх, на свое законное лидирующее место, а она вниз!

Я потрясла головой. Если наложить запрет на распространение замечательных криминальных романов Смоляковой, то за ними ринутся все, даже те, кто с презрением воротит от них нос. Да каждый писатель мечтает, чтобы его книги подверглись гонениям. Потому что тогда к нему возникнет невероятный интерес со стороны читателей и издателей.

Глава 7

В состоянии, близком к истерике, я покинула «пентхаус» Нечитайло, расположенный на третьем этаже блочной башни, и позвонила Маслову.

– Как дела? – осведомился шеф. – Пообщалась с Валентиной?

– Слов нет, – выдохнула я, – сильно сомневаюсь, что смогу справиться с заданием.

– Думай о гонораре, – посоветовал Иван, – мне, жадине, всегда помогает предвкушение денег.

– Боюсь, тут даже миллиарда окажется мало, – пробормотала я и рассказала об увиденном, утаив лишь информацию об общении с медвежьей мордой.

– Ерунда, ты справишься, – оптимистично воскликнул Ваня, – всего-то надо убедить бабу сменить имидж.

– Завтра веду ее в салон, – устало сказала я и зашмыгала носом, – договорилась с Ликой Рубакиной, она считается лучшей по прическам и макияжу.

– Вот видишь! – обрадовался Иван. – Дело сдвинулось с мертвой точки, Валентина согласилась встретиться со стилистом. Ты молодец, еще вчера Нечитайло заявила Адаму: «Я прекрасна, о каких изменениях может быть речь?» А ты сумела пошатнуть позицию дамы с комплексом сверхполноценности.

– Лучше не спрашивай, чего мне это стоило, – уныло произнесла я. – Пообещала ей в среду радиоэфир с Виктором Сойкиным.

– Это который вещает на «Толстой FM»? – насторожился Иван. – Да он Нечитайло в лохмотья порвет! Ехидный, злой мужик.

Я чихнула.

– У Валентины навязчивая идея затоптать Смолякову. Нечитайло полагает, что та у нее отнимает славу и деньги, а Сойкин каждый месяц Милану к себе зовет. Скажу тебе по секрету, его жена, мать, теща, короче, все женщины в семье – фанатки Смоляковой. Валя сначала наотрез отказалась от стилиста, а я ей предложила сделку: завтра днем идем к Лике, а вечером к Виктору. Апчи!

– Ты уломаешь Сойкина? – засомневался Ваня.

– Мы с ним старые приятели, – пояснила я. – Апчи!

– Простудилась? Выпей что-нибудь, – заботливо посоветовал босс.

– Непременно, – пообещала я и открыла окошко.

Я-то здорова, просто в носу поселился запах духов Валентины, на редкость въедливый и стойкий.

Мы поговорили с Ваней еще некоторое время, потом я аккуратно установила телефон в держатель. Спасибо, Макс! Если бы не предусмотрительность мужа, оплакивать бы мне сейчас свою СИМ-карту со всеми контактами, погибшую под каблуками Жеки. Год назад, когда я потеряла мобильный, Макс принес мне два новых аппарата и сказал:

– Положи один в бардачок машины и не доставай до той поры, пока снова не посеешь сотовый. Я сделал тебе две симки: лишишься одной, а под рукой будет вторая, готовая к работе.

– Не надо считать меня безголовой блондинкой, – рассердилась я, – любой человек может забыть сотовый неизвестно где.

– Ну конечно, – кивнул Макс. – Тебе всего-то надо воткнуть в новый аппарат зарядку. Вот она, держи. Сразу в двух вариантах – для обычной розетки и для машины.

Я положила руки на руль. Кстати, о телефоне. Надо завезти Ковалевой ее мобильный, заодно посмотрю, как она себя чувствует. Уже вечер, Жека небось вернулась с работы.

Порядка ради я набрала несколько раз домашний номер подружки, но из трубки постоянно неслись короткие частые гудки. Миша большой любитель повисеть на проводе. Считается, что занимать телефонную линию часами – болезнь, присущая женскому полу, но Жека всегда говорит коротко, а вот Мишенька может обсуждать всякую ерунду годами.

Я отлично знаю: во дворе дома, где живет Ковалева, припарковаться невозможно. Поэтому оставила свою «букашку» около расположенного неподалеку супермаркета и пошла пешком. Погода неожиданно решила порадовать москвичей. Ни жары, ни холода, ни дождя, ни ветра, ни духоты. По дороге мне попала будка с мороженым. В ней продавалась любимая «Лакомка», я съела ее и перестала ощущать постоянный аромат кокоса и ванили, в голове прояснилось, жизнь снова стала прекрасной. В чудесном настроении я вошла во двор и замерла.

На узком пяточке толпилось много народа. На газоне, безжалостно смяв чахлые московские цветы, громоздился фургон «Скорой помощи», почти вплоты к нему – не очень новая темно-синяя иномарка, за задним стеклом которой висел плюшевый бегемот в полицейской форме. Я отлично знаю, кому принадлежит автомобиль. Не раз ездила в нем и подарила игрушку его владельцу на Новый год.

Я сделала пару шагов, уперлась в ленту, натянутую поперек двора.

– Гражданочка, дальше нельзя, – сурово сказал парень в фуражке, – если живете в этом подъезде, то подождите, пока с трупом разберутся. А лучше погуляйте, нечего тут смотреть. Зачем только люди из окон прыгают? Неужели не понимают, что их потом с земли соскребать придется?

Я обвела глазами людей за лентой и крикнула:

– Костин! Володя![4 - История знакомства и дружбы Лампы с Костиным описана в книгах Дарьи Донцовой из серии «Следствие ведет дилетант»: «Маникюр для покойника», «Покер с акулой» и др., издательство «Эксмо».]

От толпы отделилась высокая фигура, быстро приблизилась и спросила:

– Лампа?! Кто тебе сообщил?

Мои ноги превратились в желе.

– О чем?

Вовка приподнял рукой ленту.

– Пролезай.

– Что случилось? – прошептала я, подныривая под ограждение. – Почему ты приехал на простое падение из окна?

Костин внимательно посмотрел на меня.

– Сначала скажи, по какой причине ты сама сюда заявила?

Я вынула из сумочки мобильный Ковалевой.

– Приехала к Жеке, она сегодня забыла свой телефон в кафе. Можно мне пройти в подъезд? Я надена бахилы, ничего не трону, могу комбинезон у криминалистов взять и...

Слова застряли в горле, я увидела эксперта Рому Казакова. Он шел к нам, помахивая прозрачным пакетом для улик, внутри которого виднелся браслет в виде змеи с двумя головами.

- Красивая безделушка, - почему-то с неодобрением заметил Роман, - прочно на руке сидела, не свалилась. Привет, Лампа, у тебя ничего попить нету? В горле пересохло.

- Это украшение Жеки, - выдавила я из себя.

Казаков потряс полиэтиленовым мешочком.

- О его содержимом говоришь? Что, знаешь эту цацку? Где видела?

- Исчезни, - коротко приказал Вовка, - немедленно испарись!

- Понял, - кивнул Рома и живо убежал.

- Там Жека? - прошептала я, отлично зная, какой ответ услышу. - На асфальте?

Костин притянул меня к себе.

- Прости, да.

- Точно она? Вдруг это ошибка? - я цеплялась за последнюю надежду. Украшения бывают одинаковыми, браслет не эксклюзив, может, кто-то купил такой же.

Вовка начал гладить меня по голове.

- Это Ковалева. Она покончила с собой, прыгнула из окна спальни сына. Несчастье случилось часа три тому назад.

- Невозможно! - воскликнула я, вырываясь из объятий лучшего друга. - Либо вы перепутали время, либо место, откуда Жека совершила прыжок.

Костин наклонился ко мне.

- Почему?

- Она обожает Севу, - пояснила я, - он уезжает на работу в свой клуб около девяти вечера. Значит, в момент самоубийства матери Всеволод находился дома. Жека никогда бы не подвергла любимого мальчика такому стрессу. Нет, нет, и еще раз нет. Хотя...

- Что? - спросил Вовка.

- Сева мог уехать раньше, - растерянно пробормотала я, - и все равно нет! Господи, я сошла с ума! Не понимаю, что говорю! Вовка! Там, на земле, не Жека!

- Извини, - мрачно произнес Костин. - Ковалева скончалась.

Я вцепилась в руку друга.

- Она не могла совершить суицид! Да еще прыгнуть из комнаты сына! Тут что-то не так! Всеволоду сообщили о смерти мамы? Ему позвонили? У меня есть его номер, секундочку.

Я включила телефон Жеки, увидела, как загрузилась заставка - снимок весело смеющегося Севы. Хотела нажать на кнопку и была остановлена Вовкой.

- Не надо. Всеволода только что увезли!

Я чуть не уронила трубку.

- Что? Он стал свидетелем гибели матери? Нет, нет, нет! Ты плохо знаешь психологию Ковалевой. Это невозможно! Там не Жека! А! Знаю! К сыну пришла девушка, они с ней ну... того... самого, потом девица пошла в ванную. У Севы постоянно завязываются отношения со стриптизершами, танцовщицами, всякими невоспитанными особами. Нацепить халат и туфли матери любовника для такой...

Костин схватил меня за плечи, встряхнул и сказал:

– Лампа! На земле Евгения, в квартире обнаружили Севу, на его теле две раны. Сначала парня ударили ножом в грудь, затем перерезали ему горло. Всеволод остался жив, его отправили в клинику, но пообщаться с ним невозможно. А Михаил психологически недоступен.

Я вздрогнула.

– Миша? Он дома? Жека шагнула вниз в присутствии всех членов семьи?

Володя взял меня под руку.

– Мы пока знаем лишь часть случившегося. Падение Ковалевой видела соседка Алевтина Меркулова, медсестра со «Скорой помощи», она не потеряла головы, поступила грамотно. Приблизилась к телу, поняла, что помочь Ковалевой невозможно, и позвонила куда следует. Алевтина, как понимаешь, не боится покойников, и жертвой суицида ее не удивить. В момент, когда Меркулова общалась с полицией, из подъезда выскочил Михаил и кинулся к жене. Вот тут медсестра дала маху: она не смогла остановить мужа, а тот практически упал на колени перед трупом Жеки. Да вон она идет!

– Кто? – вздрогнула я.

– Алевтина! – закричал Вовка. – Подойдите к нам!

Симпатичная круглолицая женщина, шедшая от подъезда, приблизилась к нам.

– Могу чем-то помочь?

– Вы видели падение Ковалевой? – спросила я.

Медсестра вздохнула.

– Нет, сидела на детской площадке, читала книгу, вдруг бах! Звук такой, как небольшой взрыв. Я вскочила, увидела тело и поняла: кто-то из окна сиганул. Подбежала, узнала Женю.

- Она была уже мертвой? - зачем-то уточнила я.

- Да, - кивнула Алевтина, - без сомнений. Я начала звонить куда положено, тут выскочил Миша, почему-то со свернутым полотенцем в руке, бухнулся на колени, кричит, а я ему на спину смотрю и понимаю: утешить его шансов нет. Знаете, порой такие глупости память удерживает! На муже Ковалевой была футболка с принтом на спине, смайлик с улыбкой. В этой ситуации майка произвела на меня жуткое впечатление, я не могла от нее оторвать глаз. Тут Михаил как заорет: «Иди наверх, там Сева умер!»

Я побежала к ним в квартиру, нашла парня на полу, сначала решила, что он тоже труп, потом гляжу, пальцы на руке дрожат. В общем, повезло Севе, что я пришла, оказала ему первую помощь до прибытия бригады.

- Как можно выжить с перерезанным горлом? - прошептала я.

- Крупные сосуды остались целы, - пояснила Алевтина. - А вот говорить Всеволод навряд ли теперь сможет. Хотя я не врач, вдруг ему повезет, голос восстановится. Долго ему придется реабилитироваться, если, конечно, он в больнице не умрет. Извините, мне пора на работу.

Бегло осмотрев место происшествия, криминалисты сделали предварительный вывод. По их мнению, Жека сначала нанесла Севе ножевые ранения, а потом покончила с собой. Похоже, в ту секунду, когда жена прыгнула вниз, домой вернулся Миша. Он бросился к сыну, счел его умершим и кинулся на улицу. Сейчас Михаил находится в больнице, физически он здоров, на его теле не обнаружено ни одной раны, но его психическое состояние оставляет желать лучшего. Миша ни с кем не желает разговаривать.

Меня бросало то в жар, то в холод.

- Жека не могла нанести Севе удары ножом! Мать и сына убили! В квартире Ковалевых был посторонний! Он зарезал парня и вытолкнул Жеку из окна.

- Пока ничто не говорит о присутствии постороннего, - возразил Вовка.

- Он там был, - уперлась я.

Резкий звонок мобильного Ковалевой заставил меня вскрикнуть, но через секунду я поднесла трубку к уху.

- Да.

- Не пришла? – заверещал противный, как скрежет ножа по стеклу, женский голос. – Богатая, да? Все тебе можно? Ничего, ответит твой байстрюк! пожалела миллион Лизе на образование? Теперь десятью не отделаешься! Передай своему говнюку, что его секреты не тайна! Я знаю о его подвигах! Таня Иванова! Сколько ты ее матери отстегнула? Короче! Срок тебе до завтра! Десять миллионов! Иначе бай-бай, Сева отправится на зону, ты слышала, как там правильные уголовники с насильниками поступают. Лизке всего пятнадцать!

Я протянула Костину трубку, из которой неслись короткие гудки.

- Можешь по определившемуся номеру узнать, на кого он зарегистрирован и где проживает хозяйка?

- Запросто, – ответил друг. – А тебе зачем?

Я сгорбилась.

- Жека не могла убить сына, Сева натворил каких-то глупостей, и его за это хотели лишиться жизни. Звонившая вымогает у Ковалевой деньги, утверждает, что Всеволод хотел изнасиловать ее дочь...

Володя спокойно выслушал мой сбивчивый рассказ, но остался при своем мнении.

- Лампа, давай честно посмотрим фактам в лицо.

- Жека не могла! – тупо повторяла я. – Не могла!

- Вероятно, ты не все знаешь про свою подругу, – вздохнул Костин. – В прошлую пятницу Меркулова, выходя из своей квартиры, случайно наступила на пакет, который бросила на лестничной клетке Жека. Площадка в доме узкая, места мало, а у Ковалевой, которая в тот самый момент открывала дверь, была гора

сумок из супермаркета. Алевтина смутилась и начала извиняться: «Жекочка, сейчас сбегая в магазин и принесу тебе то, что испортила».

Ковалева отреагировала нормально: «Не переживай, Аля, там ерунда, ватные диски и бумажные салфетки, ничего с ними не будет».

Меркулова еще раз попросила прощения, повернулась к соседке спиной, вызвала лифт и тут... В стену, аккуратно над кнопкой вызова подъемника, врезалась пластиковая бутылка с минералкой. Аля в испуге обернулась. На нее, сжав кулаки, надвигалась Жека.

Меркулова и Ковалева сосуществуют на одной лестничной клетке в течение длительного времени. Нежной дружбы между женщинами не возникло, но они хорошие соседки, никогда не ругаются, подчас выручают друг друга, в Новый год обмениваются подарками. Аля считала Жеку воспитанной, интеллигентной дамой, но сейчас перед ней предстала разъяренная баба, изрыгающая нецензурную брань. Слава богу, прибыл лифт, и Аля, влетев в кабину, умчалась на первый этаж.

Вечером в дверь Меркуловой позвонила Женя, Алевтина замерла у видеофона и услышала, как соседка произнесла: «Алечка, родная, прости. Открой, не бойся».

Меркулова распахнула створку, Ковалева вошла в прихожую, заплакала, начала просить прощения. Понимаешь, Лампа, Жека в последнее время была подвержена немотивированным припадкам ярости.

Я подняла руку.

– Вова, давай сядем где-нибудь, я расскажу тебе о сегодняшней встрече с ней.

Глава 8

В машине Вовки я провела больше часа. Сначала в подробностях передала Костину нашу беседу с Ковалевой. Потом выслушала друга, который упрямо твердил про убийство Жекой Севы с последующим суицидом. Увидела, как тело

Ковалевой увозят в морг. Понаблюдала за криминалистами, которые осматривали двор, и задремала. Разбудил меня громкий голос старшего эксперта. Я открыла глаза. Володя и Роман стояли, опираясь на автомобиль, через открытое окно отлично был слышен их диалог.

– Работы еще полно, – вещал Казаков, – выводы делать рано, но в частном порядке, так сказать, не научно, могу заверить: стопудово она сама прыгнула. Положение тела, траектория полета, след на подоконнике, разброс обуви – все свидетельствует о суициде.

– М-да, – мрачно крякнул Вовка. – Сильный удар для Лампы, она с Ковалевой давно дружила.

– У баб в период климакса крыша едет, – хмыкнул Роман. – Депрессия начинается, мысли всякие, обидчивость развивается, злобность.

– Жека еще молодая была, – вздохнул Костин.

– Климакс может и в тридцать пять стартовать, – возразил Казаков, – ей бы к эндокринологу сходить, заместительную терапию провести. Но наш человек по врачам не ходок, терпит все, сцепив зубы. И СМИ в этом виноваты, со всех экранов орут про молодость и красоту, а про то, что давным-давно лекарства от возрастных проблем созданы, молчат.

– Я слышал, эти таблетки вредны, – промямлил Костин.

– И ты туда же, – рассердился Рома. – Говорят, что петуха доят! Отчего у баб мозг плавится? Ослабеваешь гормональный фон, вот они его и восполняют скандалами. В процессе свары адреналин вырабатывается. Ладно, чего сейчас причитать, вашу Жеку не вернуть. Учитывая рассказ соседки и нож, найденный на земле, предполагаю такое развитие событий. Ковалева пришла домой, о чем-то поспорила с сыном, впала в неуправляемый гнев, порезала парня, очнулась, поняла, что натворила, и прыгнула.

Я высунулась из окна машины.

– Нет! Ковалева не могла поднять руку на Севу. В квартире был посторонний.

Роман деликатно кашлянул.

– Лампудель, ты, конечно, профессионал, но не можешь здесь применить свои опыт и знания, потому что связана с жертвой крепкой дружбой. Понимаешь, криминалистика точная наука, улики врать не могут. Пока все говорит о факте самоубийства. Расстояние от места соударения с землей до линии падения, в нашем случае стены здания, соответствует...

Я вышла из машины.

– Хорошо. Пусть Жека прыгнула сама, но она не нападала на сына. Почему вы не хотите рассмотреть такой вариант? Кто-то посторонний ранил парня и убежал, мать вернулась домой, увидела сына в крови, и тут у нее отказали нервы. Ковалева решила, что Всеволод скончался, а раз так, ей жить незачем, и рванула к окну.

Рома потер лоб.

– Ну... это возможно, хотя маловероятно.

– Ромочка, миленький, – зашептала я, – немыслимое дело, чтобы на Жеке осталось клеймо женщины, которая хотела, пусть даже и в припадке безумия, лишиться жизни сына. Признаюсь, я недолюбливаю Севу, считаю его мажором, лентяем, балаболом, но он очень любил мать, надеюсь, паренек оправится и расскажет, как обстояло дело.

– Паренек, – фыркнул Костин, – да ему лет немало, а ты про него как про мальчика говоришь.

– Как потом Севе жить? – отмахнулась я от Вовки. – Необходимо найти настоящего преступника. Рома, тщательно изучи нож на предмет отпечатков.

– Спасибо за совет, Лампа, непременно, – надулся Казаков.

– Самым внимательным образом осмотрите квартиру, – не успокаивалась я. – Соберите все, что можно! Отпечатки! Следы! Волокна! Проползите на коленях по всем комнатам! С фонарем!

– Мерси, Лампудель, – процедил сквозь зубы Казаков. – Ничего, что я пятнадцать лет этим делом занимаюсь?

– Отправь кровь на токсикологию, – насканивала я на Романа. – Жека никогда не славилась истеричностью. Вдруг ей что-то подливали или подсыпали в еду?

Роман закатил глаза.

– Непременно! Гран мерси за курс лекций. Скажи, а руки трупа в мешки упаковать? Из-под ногтей пробы брать? Волосы погибшей расчесывать? Я не в материале! Научи дурака!

Я на секунду прикрыла глаза рукой. Так, главное сейчас – не думать, что Жека умерла, иначе я сойду с ума. Надо отнестись к случившемуся отстраненно. Похоже, и Рома, и Костин уже сделали выводы. Они считают Ковалеву самоубийцей, которая пыталась лишить сына жизни. Мой долг смыть с памяти подруги позорное клеймо. Нельзя впадать в истерику. Порыдаю потом, когда установлю истину. Спокойно, Лампа, тебе сейчас нужно все твое хладнокровие и трезвый ум. Я сделала глубокий вдох, медленно выдохнула и посмотрела на Костина.

– Узнал, кто звонил Жеке с требованием денег?

– Райкина Марина Степановна, – кивнул тот. – Проживает, кстати, не так далеко отсюда. Улица Гороховская, дом семь, корпус два, квартира пятнадцать.

Я развернулась и побежала в сторону проспекта.

– Ты куда? – крикнул Роман.

– Моя «букашка» стоит на парковке у супермаркета, – ответила я, оборачиваясь. – Смотаюсь к Райкиной. Похоже, Марина Степановна знает много интересного про Севу.

– С ума сойти! – заорал Казаков. – Вовка, не стой, останови Лампу.

Я прибавила скорости и услышала ответ Костина:

– Оставь ее, Рома. Ты сам сказал, Лампа профессионал. Мне лишние ноги-руки не помешают.

– Она не может работать по этому делу, – злился эксперт, – тебе по шапке дадут.

– Сшибут ее, натяну кепку, – парировал Костин, – что-нибудь придумаю. Пойми, Лампа с ума сойдет, если в стороне останется.

– Вы с Романовой психи! – вознегодовал Казаков.

Продолжение разговора я не узнала, потому что покинула двор.

Нужный дом по Гороховской улице не выглядел элитным, впрочем, на трущобу тоже не походил. Обычная московская многоэтажка, населенная людьми, которые пытаются выжить на скромную зарплату. Звонок имитировал пение соловья. Не успело чирикание стихнуть, как из-за двери послышался визгливый, уже знакомый мне женский голос:

– Лизка, ты?

– Да, – пропищала я.

– Сколько раз говорено, не шлейся по ночам, – закричала мать, возясь с замками, – вчера после полуночи пришла, сегодня, спасибо, пораньше вернулась. Почему по мобильному не отвечаешь?

Дверь распахнулась, я увидела крепкую женщину в джинсах и футболке.

– А где Лиза? – удивилась она.

– Наверное, веселится в клубе, – предположила я. – Разрешите войти?

– Нет, – отрезала Райкина, – незнакомых я в квартиру не впускаю.

– Добрый вечер, Марина Степановна, – сказала я, – нас можно считать почти подругами. Сегодня мы два раза беседовали по телефону. Меня зовут Евлампия

Романова.

- Тут какая-то ошибка, - попятилась хозяйка, - откуда вам известно мое имя?

- Из базы телефонной станции, - открыла я секрет, - ваш номер определился на экране мобильного. Остальное дело техники.

- Лиза, - прошептала Райкина, хватаясь за вешалку, - вы из полиции! Что с девочкой?

Я замахала руками.

- Нет, нет, успокойтесь. Речь идет о Евгении Ковалевой. Вы требовали у нее денег за молчание. Сначала миллион рублей, а затем увеличили цифру в десять раз.

Райкина сжала губы в нитку, я живо втиснулась в тесную прихожую, захлопнула дверь и посмотрела на хозяйку. Но Марина Степановна уже успела прийти в себя и наметить план действий.

- Врет! - с жаром воскликнула она.

- Кто? - уточнила я.

Хозяйка наклонила голову и ринулась в атаку:

- Распрекрасная ваша Евгения Ивановна, разлюбезная Ковалева! Владелица частной гимназии! Разве можно доверить своего ребенка педагогу, который родного сына воспитать не может? Знаете, какой ее Сева? Вор, насильник, педофил, сутенер!

- Серьезные обвинения, - сказала я. - Всеволод пытался принудить вашу дочь к половой связи?

- Мерзавец! - взвизгнула Марина Степановна. - Лизочке едва пятнадцать исполнилось. Она маленькая! Ни о чем, кроме школы, не думает. Не девочка, а нежная незабудка. Ковалев негодяй!

– И вы решили получить деньги за потерянную дочкой невинность? – уточнила я. – Звонили Ковалевой, шантажировали...

– Брешет она. Не было этого! – затрясла головой Райкина.

– Вы никогда не набирали номер матери Севы? – уточнила я.

Марина честным, открытым взглядом посмотрела на меня.

– Где я могла телефон взять?

Я открыла рот, чтобы уличить врунью, но тут в дверь позвонили.

– Лиза! – заорала хозяйка и, не задавая никаких вопросов, ринулась к двери, вопя: – Доченька, к нам из полиции пришли! Ковалева наплела...

Договорить фразу она не успела, потому что в квартиру практически на четвереньках вползла девица самого непотребного вида. Темно-каштановые волосы были спутаны и заляпаны грязью, макияж на лице превратился в месиво разноцветных пятен, а короткая маечка оказалась разодрана.

– Мамунь, привет, – прозаикалась красавица, – я домой всегда вовремя... ик... ик... вовремя... врем...

Так и не справившись с трудным словом, нимфетка громко рыгнула и свалилась набок. Стало видно, что у нее на ногах всего одна туфелька, а черные лосины походят на решето. Зато сумочка была в целости и сохранности, висела у очаровашки на шее.

– Лиза! – заорала мать. – Где твоя юбка? Отвечай немедленно! Дрянь!

– Хороший вопрос, – усмехнулась я, – вас волнует лишь отсутствие юбки? На мой взгляд, лучше поинтересоваться, чем девочка-незабудка наклюкалась. Если она пила дешевую бормотуху, то лучше вызвать врача, сейчас легко отравиться фальшивым алкоголем.

Елизавета подняла голову, с усилием оторвала от пола руку и погрозила нам кулаком.

– Проваливайте! Я дерьмо не глотаю! В «Туннеле» налили... лили... кап... кап... ф-у-у! Дайте воды! Я танцевать хочу-у-у!

– Замолчи, соседей разбудишь, – цыкнула на пьяное чадо Марина.

– П-плевать! – во всю глотку заорала Лиза. – Дайте шампусика и... ну... блин... короче, как всегда!

Из комнаты донесся гневный стук.

– Уже по батарее колотят, – испугалась Райкина. – Не дай бог, спустятся, увидят Лизку, слухи пойдут.

– Надо отнести девочку в ванную, – предложила я, – холодный душ плюс литр марганцовки внутрь. Еще нам понадобится энтеросгель и побольше чаю, лучше зеленого.

– Как мне ее, лосиху, поднять? – расстроилась Марина. – Вымахала, кобыла!

– Бери за ноги, я за руки, и потащили, – перешла я на «ты». – Клизма в доме есть? Наполни ее чуть теплой водой. Сейчас устроим реанимацию.

Примерно через час Лиза после всех неприятных манипуляций, включавших в себя промывание желудка и поглощение энтеросгеля, почти обрела человеческий облик. Девочка была завернута в халат и усажена на кухне с чашкой чая в руках. Мы с Мариной устроились напротив нее, и я заново начала разговор.

– Вот что, девушки, учитывая, что мы сейчас пережили, предлагаю выпить на брудершафт заварки и перестать врать. Марина, ты разговаривала не с Жекой, а со мной. Ковалева забыла свой телефон в кафе, где мы с ней встречались, на все адресованные ей звонки отвечала я.

Райкина заморгала.

- Ну... я хотела мирно разрешить конфликт. Сева... он...

- Не стоит петь песню про девочку-незабудку, - предостерегла я. - К сожалению, случилось несчастье. Сева тяжело ранен, Евгения найдена мертвой во дворе своего дома, она выпала из окна. Полиция предполагает, что это дело рук человека, который затаил злобу на Всеволода. Ну, допустим, парень изнасиловал пятнадцатилетнюю школьницу, а ее мать решила отомстить.

Марина зажала ладонью рот, вскочила и кинулась в туалет.

- Блин! - взвизгнула Лиза. - Она насмерть разбилась?

- К сожалению, да, - сухо сказала я.

- Мы не имеем никакого отношения к ее смерти! - закричала Марина, вбегая назад.

От батареи незамедлительно полетел стук.

Лиза схватила висевшую на стене лопатку для торта и принялась колотить по металлической гармошке. А Марина взяла телефон, набрала номер и снова заорала, на этот раз в трубку:

- Наташка, еще раз загрохочешь, я тебе завтра все стекла переколочу в машине. Что, что! Свадьба у нас! Я замуж вышла! За Филиппа Киркорова! Удавись теперь!

Лиза заржала.

- Ой, мам, ты даешь! Завтра весь дом на рога встанет.

- Да и фиг с ними, - выдохнула Марина. - Надоели. Не соседи, а КГБ! Я не хотела Ковалевой ничего плохого, деньги нужны на образование Лизы. И у них же был секс!

- Всеволод тебя изнасиловал? - напрямую спросила я у девочки.

– Ну, нет, – протянула та, – он хороший, ласковый, подарки мне дарил. У нас роман был. Мне все завидовали, потому что Севка в клуб меня бесплатно проводил, коктейли покупал, предложил танцовщицей у них работать, сказал, что у меня офигенная грудь, такую грех прятать!

Лиза взяла чашку и стала захлеб пить.

– Иногда мне ее убить хочется, – прошипела Марина. – Одна Лизу тяну, без мужа, учу, воспитываю, а девчонка, как намыленная, из пальцев выскакивает. Какие танцы! Тебе пятнадцать!

– Вот потому и не взяли, – насупилась Елизавета. – Севка управляющего просил, а тот уперся: нельзя несовершеннолетним в «стакан».

– Какие еще «стаканы»? – испугалась Марина.

Лиза захихикала, а я решила ввести Райкину в курс дела:

– Во многих ночных клубах устанавливают небольшие круглые сооружения с перилами, они подняты высоко над толпой. Внутри танцуют практически обнаженные девушки. Такая «сцена» называется стакан.

– Правильно, – подтвердила Лиза. – Но не получилось! Не взяли меня!

– Слава богу! – перекрестилась Марина. – Доченька, возьми за ум, получи аттестат, поступай в институт, станешь стоматологом. Отличная профессия.

– Ма, меня тошнит в чужих зубах ковыряться, – ухмыльнулась Елизавета. – Хочу петь на эстраде!

– Через мой труп! – решительно заявила Марина.

– Ладно, я подожду, – пожала плечами Лиза. – Мне еще год в школе пыхтеть, а ты немолодая!

Марина начала хватать воздух ртом. Лиза сообразила, что перегнула палку, и забубнила:

– Уж и пошутить нельзя. Плохо, когда чувство юмора у человека отсутствует.

Я постучала ладонью по столу.

– Внимание. Сева не насильствовал Лизу. Почему же у вас возникла идея потребовать у Жеки миллион?

– Так Таньку он того... самого, – воскликнула Елизавета, – с пьяных глаз ее использовал. Чтобы тетя Наташа не возникала, Евгения Ивановна много денег им отвалила. Вот мама и подумала: я несовершеннолетняя, Ковалева уже один раз Севку откупила, значит, и нам бабла отвалит.

Глава 9

Я оперлась руками о стол.

– Поправьте, если я ошибаюсь. Правильно ли я поняла вас? Всеволод изнасиловал Татьяну Иванову, ее мать не обратилась в полицию, а...

– У нас в классе на одну девчонку, Верку Логинову, напали на пустыре, – перебила меня Лиза. – Мужик какой-то незнакомый пошел вместе с ней от остановки маршрутки, выждал удобный момент и затащил ее в пустой гараж. Так Веркина мать такой шум затеяла! Все местное отделение взбаламутила. Ну, и что хорошего? Веру по разным врачам таскали, допрашивали, в школу приходили. Теперь на нее все пальцем показывают, хихикают, в столовой рядом не садятся, потому что анализ на СПИД через полгода повторять надо и не ясно, вдруг Логинова теперь заразная. И мужика-то не поймали. Получила Верка одни неприятности. А Танькина мать умная, она по-тихому к Евгении Ивановне подъехала и денег получила. Никто ничего не узнал. Танюха одной мне по секрету рассказала, потому что мы с первого класса дружим.

– И вы с Мариной Степановной решили не упустить свой шанс, – кивнула я. – Отличная идея. Понимаете, что вы стали основными подозреваемыми? Всеволода тяжело ранил человек, который его ненавидел. О ком следователь в первую очередь подумает? О несчастной, поруганной девочке и ее обиженной

маме. То есть о вас, мои драгоценные.

Лиза заплакала, а Марина растерянно забормотала:

– Нет-нет, я на Севу не сердилась. Нехорошо, конечно, что он с моей дочкой спал, но Лизавету дома не удержать, все равно бы невинности лишилась. Нам нужны деньги.

– Можете не запевать сначала, – остановила я Райкину. – Елизавета, ты долго... э... дружила с Севой?

– Да, – всхлипнула та, – у нас был настоящий роман, а не такой, как у него с остальными: потрахался один раз, в клуб привел, ерунду подарил и разбежались. Мы целый месяц вместе жили, я была его постоянной девушкой. Сейчас покажу!

Лиза вскочила и убежала.

– Не осуждайте меня, – захныкала Марина. – Нынешняя молодежь никого не слушает, им старшие не указ. Жизнь страшная стала, без денег никуда.

Я отвернулась к окну. Современные дети разные, есть плохие, есть и хорошие. Идея потребовать у Ковалевой миллион принадлежит Марине Степановне, а ее нельзя назвать представительницей юного поколения.

– Вот, смотрите, – заявила Лизавета, возвращаясь на кухню, – кофта в пайетках, самая модная, юбка кожаная, туфли итальянские, – все это подарки Севы. Он меня любил!

– Целый месяц! – не выдержала я.

– Да! – гордо подтвердила Лиза. – Мало кто рядом с Ковалевым так долго удержался, я рекорд поставила. До меня у Севки Анжела была, с ней он всего неделю провел.

– Ну что с ними делать! – воскликнула Марина. – Смотрят телевизор, а оттуда постоянно вещают про богатых! Купят журналы, там снимки женщин в шубах,

брильянтах, они гуляют по Шалевелю, тратят на один ужин по тысяче евро.

Лиза скорчила мину.

– Мам, не позорься! Сто раз тебе говорила, не Шалевель, а Куршавель. И на тысячу евро там нормально не поешь, одно вино в десять раз больше стоит.

Марина застонала.

– Вот! Слышали? Думаете, она в этот самый, что не выговорить, ездила? Нет, конечно, начиталась прессы. И что я ей могу дать с зарплатой в три копейки?

– Лиза, кто мог желать смерти Севе? – спросила я у девочки.

Она почесала лоб.

– Севку все любят, он добрый, щедрый, если с тобой расстался, нос не воротит потом. Столкнешься с ним в каком-нибудь клубе, всегда коктейлем угостит. Правда, он почти всегда в «Туннеле» чудит.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

Биография Евлампии Романовой подробно описана в книге Дарьи Донцовой «Маникюр для покойника», издательство «Эксмо».

2

Название всемирно известного частного детективного агентства.

3

История знакомства с Катей рассказана в книге Дарьи Донцовой «Маникюр для покойника», издательство «Эксмо».

4

История знакомства и дружбы Лампы с Костиным описана в книгах Дарьи Донцовой из серии «Следствие ведет дилетант»: «Маникюр для покойника», «Покер с акулой» и др., издательство «Эксмо».

Купить: <https://tellnovel.com/ru/darya-doncova/chernyy-spisok-deda-mazaya>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)